ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

А. К. СУПИНСКИЙ

БЕЛОРУССИЯ и БССР

(ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВЫСТАВКЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

ЛЕНИНГРАД
1934

Ответств. ред. С. Н. Быковский. Тех. ред. С. Е. Корман.
Типография Государств. Гидрологического Института, Ленинград, ул. 3-го июля, 3/5.
Зак. № 618. Сдано в набор 8/IV, подп. к печ. 17/V 1934 г.; 3,1 авт. л.; тираж 900;
бум. 190×62; 650 л.; тип. зн. 35.520 в п. л. Ленгорлит № 14248.

Издание Государственного Этнографич. Музея.

БЕЛОРУССИЯ и БССР.

(Путеводитель по выставке Государств. Этнографического Музея).

„Нищета и отсталость Белоруссии определялись особо сложными формами социального и национального гнета, но отнюдь не природными условиями или „ленивым характером“ ее населения“.

Природные условия. По географическому положению Белоруссия относится к центральной части Европы (лежит между 51° и 57° северной широты, 23° и 33° восточной долготы от Гринича). Ее территория составляет 243,792 кв. км, из которых 126,792 кв. км. принадлежит БССР, а 117,000 кв. км входят в состав Польши и Латвии.

Соответственно географическому положению, а так же и вследствие близости к Балтийскому морю, климат Белоруссии умеренный (средняя годовая температура +5,3°) с постепенными и равномерными переходами к континентальности, которая увеличивается в направлении с запада на восток приблизительно около 0,4° на каждые шестьдесят километров по параллели. Количество осадков зимою и летом для различных частей Белоруссии неодинаково, но в среднем достигает 550 мм в год.

По строению поверхности Белоруссия резко делится на две части: северо-западную—возвышенную с волнистым (моренным) рельефом и южную-низменную, составляющую так называемое Белорусское Полесье. Природный ландшафт обеих частей сохраняет, примерно, следующие особенности: в северо-западной—преобладает моренно-озерный ландшафт, т. е. изобилующий моренными возвышенностями, среди которых встречается много озер с изогнутой береговой линией, зали-

вами и островами; в южной или в Полессьи—равнинный, характеризуемый лесистостью и сильной заболоченностью.

Водная площадь Белоруссии значительна. Так в одной только БССР общая протяженность рек достигает 30 тыс. км, а площадь озер—71 тыс. га. Не менее показательные цифры дает и заболоченность, составляющая 30% площади всей страны. Однако, зона наибольшей заболоченности падает на бассейн р. Припяти, где она составляет более 50% всех болот БССР, занимающих площадь в 2,663 тыс. га. Среди болот много сфагновых, но все же немало и травянистых. Из них около 198 тыс. га содержит огромные запасы торфа, составляющего в данное время широко эксплоатируемую энергетическую базу страны.

Щит № 1.

К числу характерных особенностей Белоруссии относится так же и ее лесистость, которая, например, занимает в быв. Мозырском Округе 44% его площади, в Борисовском—40%, в Бобруйском—37%, а в северных районах БССР от 25—30%. Общая площадь лесов Советской Белоруссии составляет 3,719 тыс. га.

Фауна леса и болот не представляет большого разнообразия. Их обитателями являются: лось, коза, лисица, медведь, волк, барсук, выдра, журавль, цапля, гусь, водяная курочка, пастушки и др. Наибольшее промышленное значение имеет выдра и бобр, для размножения которого созданы необходимые условия, благодаря выделению Государственных лесных заповедников, в частности в Березино-Друтском районе.

По характеру почвы территория БССР довольно однообразна. На всем ее протяжении с севера на юг преобладают супески, пески, различной подзолистости суглинки, да подзолистоболотистые почвы. Правда, в почвенном, как и в геологическом отношении, площадь БССР еще недостаточно изучена.

Население. Колониальное состояние Белоруссии в прошлом сильно задержало культурный рост населения. Показателем общей отсталости на почве экономического, социального и национального гнета может служить хотя бы неграмот-

Рис. № 1. Внутренний вид бедняцкой хаты. На полатях больной старик.

ность населения, которая еще только десять лет тому назад достигала по БССР 80%.

По степени развитости язык белоруссов принадлежит к так называемой индоевропейской (прометеидской) системе и характеризуется целым рядом присущих ему особенностей. Из них можно указать на особо типичное наличие аффрикатов дз, дж сяджу, сядзіць, мядзьведзь), на изменения звуков „в“ и „л“, которые вначале слова, так же и в положении после гласных и перед согласными переходят в „у“ неслоговое (напр. дзеўка, траўка, воўк, устаў, узяў).

Отличия имеются и в области так называемых антропологических признаков, т. е. в области выявления особенностей физического типа. Однако, в этом направлении вопрос почти совсем не изучен. Немногие попытки выяснить его на основе буржуазной реакционной расовой теории, конечно, в расчет принимать не приходится.

По свидетельству небольшой антропологической литературы, средний, конечно условный, показатель роста мужского населения для БССР и Западной Белоруссии равен 163,9 см с некоторым отклонением для отдельных местностей—максимально до 164,7 см, минимально до 162,8 см; грудной индекс равен 83,3 см. По цвету волос—преобладают русые с переходами к светло—к темно-русым; глаза голубые или серые.

В 1913 г. общее население Белоруссии состояло из 13,295 тыс. человек, в том числе: белоруссы—64,1%, евреи—11,8%, русские—13,3%, латыши—6,1%, поляки—4,3%, прочие—0,4%.

„Белоруссия, как колония царской России была страной примитивной техники, мельчайших крестьянских хозяйств и крупных помещичьих латифундий“.

Наиболее ранние письменные источники сведений о „древнем“ периоде истории Белоруссии рассказывают нам о высокоразвитом, бесспорно классовом обществе, где отношения различных общественных групп носили ярко выраженный антаго-

нистический характер. Другие категории памятников, в частности языка и материального производства говорят о том, что существовавшие отношения сложились на основе такого способа производства, при котором непосредственный производитель продуктов, располагая только частью средств производства, должен был отдавать господствовавшему классу феодалов—монополисту земли—не только добавочный, но и часть необходимого для его существования продукта.

Более того, этот „ранний" период истории Белоруссии знал довольно обширную торговлю с востоком и западом, носившую, по словам М. Н. Покровского, характер погони за покупателем, бросавшей купцов до Багдада. Именно о купцах уже может итти речь, по скольку существовавшие отношения далеко не были похожи на те первично случайные, позже регулярные меновые связи, которые развивались в большом диапазоне еще в начале нашей эры.

Расцвет феодализма на территории Белоруссии связан уже с господством Литвы и Польши, освещавшимся реакционной национал-демократической историей, как пора белорусской государственности и подъема белорусской культуры. История этого периода феодальной общественно-экономической формации, вплоть до разделов Польши (1773 г.) старательно насыщалась „национальной героикой", подчеркивавшей особые заслуги отдельных феодалов, выступавших в роли защитников „народных" интересов, главным образом, православия (кн. Острожские), которое до последнего времени расценивалось контр-революционными национал-демократами, как первое и самое доступное, после национального языка, понятие национального единства. Наличная, довольно обширная буржуазная литература в мельчайших подробностях обрисовала быт господствующих классов, оставив в стороне вопросы социального и национального угнетения, которому подвергалась основная масса населения Белоруссии.

Присоединение Белоруссии в конце XVIII в. к России, характеризуя политику русского торгового капитала, на пер-

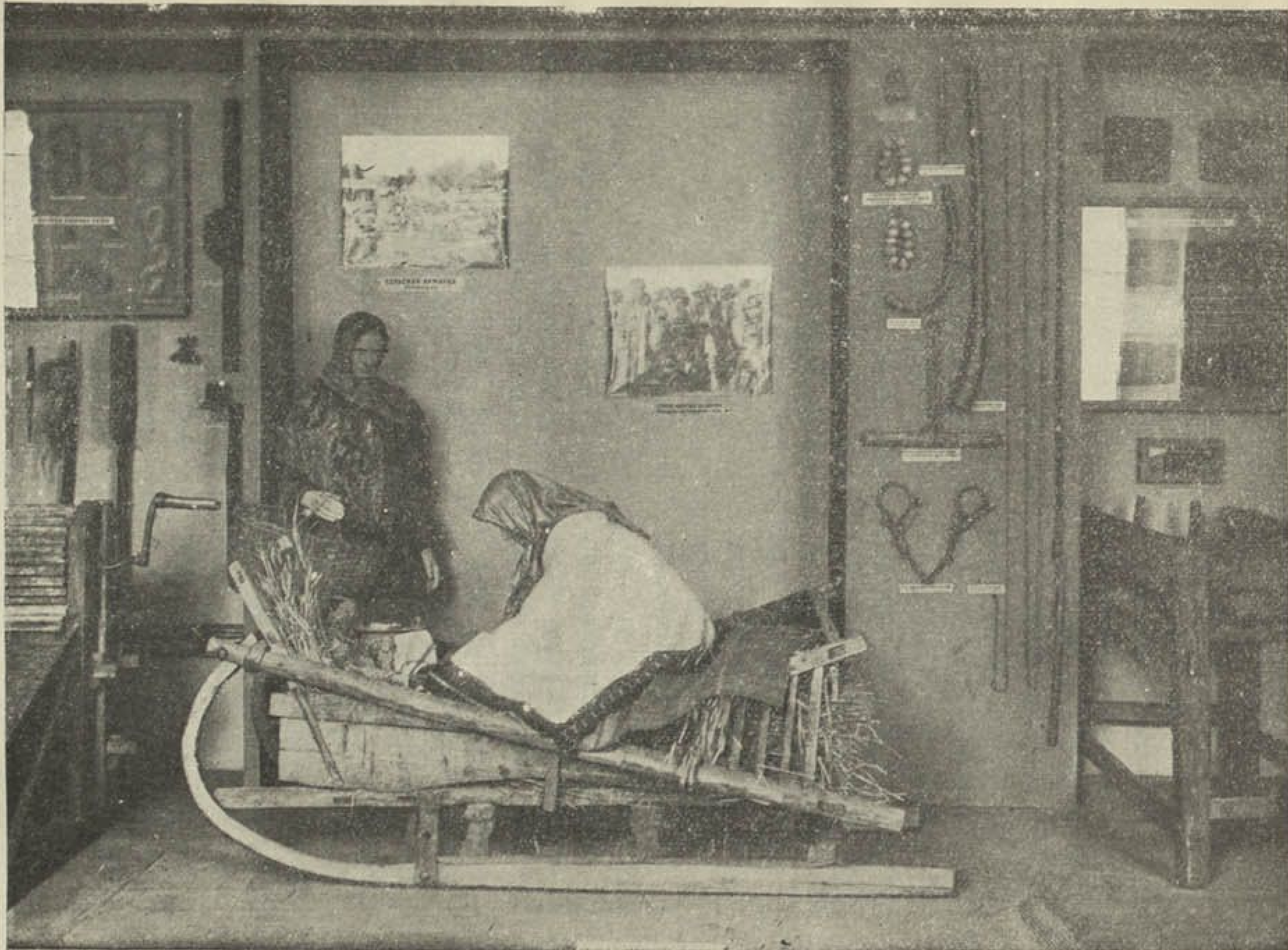

Рис. № 2. Сбыт с/хоз. продуктов в латышском середняцком хозяйстве в Белоруссии.

вых порах не внесло существенных изменений в экономическое положение населения и знаменовало лишь усиление русских хищников за счет польских и осложнение борьбы между ними. Мероприятия нового „хозяина"—русского правительства, целиком и полностью свелись: а) к осуществлению господства при помощи военной силы, б) к изменению национального состава феодально-помещичьего класса с целью создания необходимой ему социальной опоры с учетом национального признака (замена польского помещика русским) и в) к осуществлению руссификаторской политики с помощью нового государственного аппарата, в составе которого особо большое значение отводилось православной церкви. Насколько быстро проводились эти мероприятия в жизнь можно судить по темпам вытеснения крупного польского землевладения русским, достигшим значительного преобладания уже в первое десятилетие (1772—1782) после присоединения Белоруссии к России. Так, например, данные ревизских сказок (ведомость учета принадлежащих помещикам крепостных душ) по Витебской губ. устанавливают, что в одном только Городокском уезде, из общего числа 26 помещиков — владельцев 52325 чел. крепостных, 20 были уже ставленниками русского самодержавия. В их списке встречаем фамилии небезизвестных екатерининских политических деятелей и фаворитов, как Сиверс, Булгаков, граф Сологуб, князь Потемкин-Таврический, князья Вяземские и др. Столь быстрое распространение русского дворянского землевладения объясняется еще и тем, что русские помещики оседали не только на землях ранее принадлежавших польским помещикам. Многим из них достались так же и казенные земли, на первых парах щедро раздававшиеся русским правительством. Так, если в момент присоединения Белоруссии в распоряжение казны попало 199575 чел. крепостных, т. е. 38% всего населения, то к концу царствования Екатерины II за казной их числилось уже только 57580 чел. т. е. 11%.

ЭКСПЛОАТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНИ.

Форма крепостнической эксплоатации населения Белоруссии носила исключительно жесткий колониальный характер, при чем в одинаковой мере как на помещичьих, так и церковных землях. Основные виды крестьянских повинностей составляла барщина, нормы которой определялись у разных помещиков по разному, достигая пяти дней в неделю.

Помимо барщины крестьянин выплачивал обязательное „дзякло", под которыми понималась принудительная сдача части урожая, пеньки, ниток, холста, поросят, овец, кур, гусей, яиц, хмеля, орехов, грибов, ягод, меда, циновок, сетей, мешков, веревок и т. п. В дополнение ко всему этому широко практиковались „згоны" или „гвалты" (насилие), отличившиеся от барщины тем, что на них должны были являться поголовно все мужчины или женщины рабочего возраста, притом когда понадобится помещику, то и с своим рабочим скотом. Сгонные дни назначались произвольно, обычно, во время весенней и осенней пахоты, вывозки навоза, уборки полей и сенококосов. Иногда вместо сгонов назначались уроки, т. е. определенные задания по обработке или уборке выделанного участка без указания числа дней.

Из наиболее тяжелых натуральных повинностей следует отметить еще „падарожчыну", т. е. обязательство отвозить господский хлеб на рынки сбыта, независимо от расстояния, например, в Ригу.

Однако, простой перечень отдельных видов крестьянских повинностей воспроизводит картину эксплоатации крестьянства недостаточно полно. Чтобы яснее представить ее себе, необходимо еще иметь в виду, что эксплоатируемый крестьянин-производитель владел чрезвычайно низкой техникой по обработке земли, включавшей такие орудия труда, как соха

Рис. № 3. Скупщик.

(исчезла только в социалистический период с./х.) и борона, нередко в виде так называемого „смыка́“ или даже примитивная деревянная мотыга. Щиты №№ 2, 3, 4, рунд. №№ 1, 2.

В эксплоатации населения Белоруссии помещику помогало государство, которое, по присоединении к России, вводит в действие все законы о налогах, какие применялись в отношении русских крестьян, начиная с петровских дней, т. е. с начала XVIII в.

В конце XVIII и особенно в начале XIX в. уже наблюдаются признаки интенсивного роста товарно-капиталистического хозяйства. Характерным признаком этого процесса можно считать переход от барщины к денежным повинностям, составлявшим прежде всего плату за пользование наделом и взимавшуюся с каждой ревизской души.

Непосредственный результат нараставших капиталистических отношений сказался не только в углублении эксплоатации в пределах барской усадьбы, но и в осложнении производственных и социальных отношений непосредственно в самой крестьянской среде. Расслоение крестьянства в это время представляет собой значительный факт. Население белорусской деревни конца XVIII и первой половины XIX в.—уже далеко не однородная крестьянская масса, которую белорусские национал-демократы еще два года тому назад старались представить, как единый монолитный белорусский народ.

Наличие различных типов крестьянского хозяйства прослеживается довольно рано, а это позволяет говорить о существовании в крепостных условиях зависимости, а с ней и эксплоатации маломощных бедняцких хозяйств более мощными кулацкими, в обогащении которых немалую роль играли также и беглые. Эксплоатацию последних мы должны принимать во внимание уже только в силу большого количества побегов, содействовавших образованию огромной резервной армии, силами которой охотно пользовалось нараставшее кулачество. Материалы нижних и верхних земских судов хорошо

вскрывают и формы этой эксплоатации, заключавшейся, обычно, в пользовании трудом беглых на протяжении ряда лет (до 5 и выше) без особого вознаграждения, только за пищу да сокрытие от розысков полиции.

„Капитализм разрушал отсталую систему хозяйственного самообслуживания, но вместе с тем усиливал процесс обнищания деревни и роста сельской буржуазии".

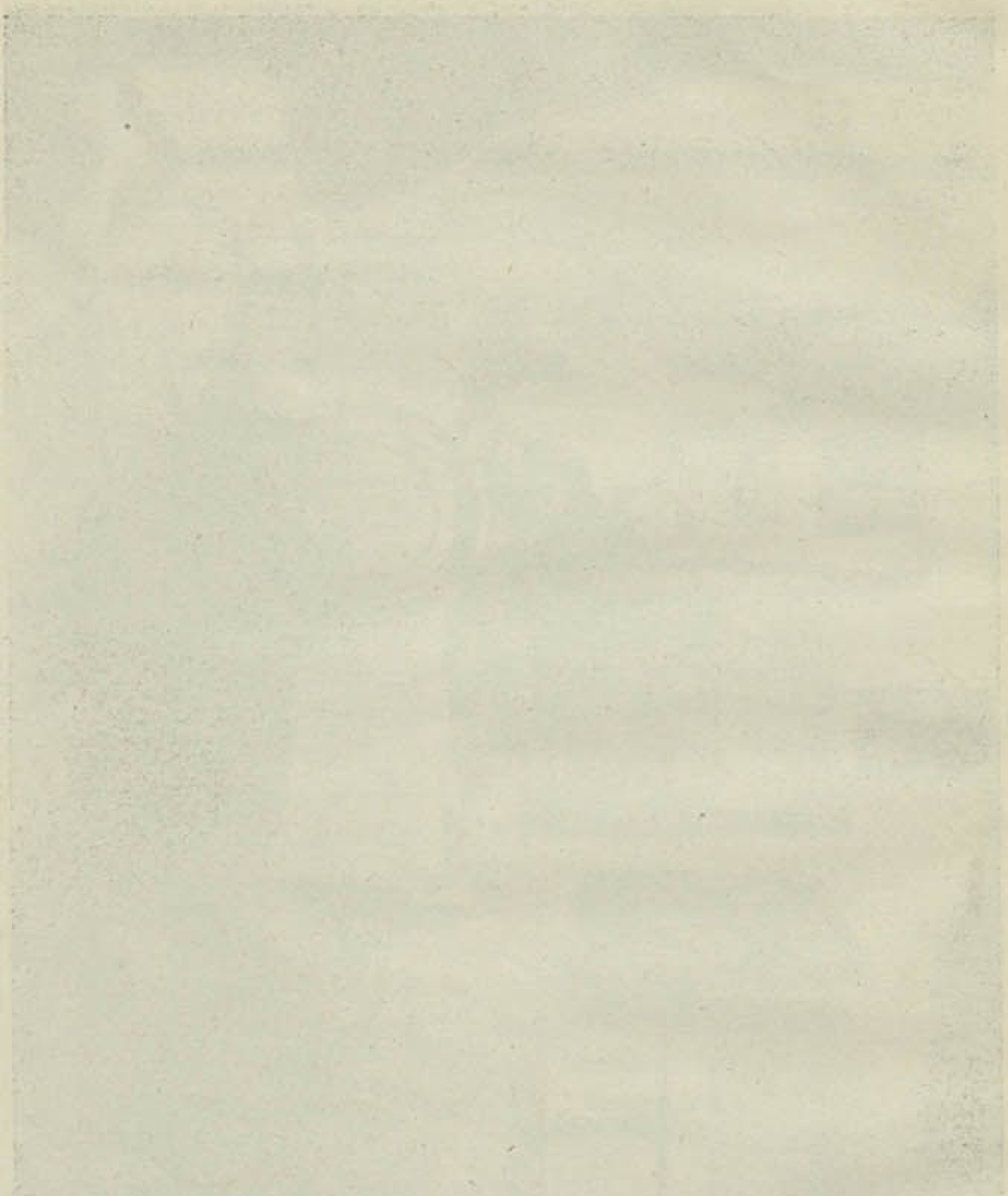
ЭКСПЛОАТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОРЕФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНИ (после 1861 г.).

Насколько глубоко зашел прогресс классового расслоения деревни в условиях крепостнического режима, показывают многие обстоятельства, в частности—данные о количестве выходцев из крепостных в мещане и купечество. Общее число таких выходов достаточно красноречиво характеризует рост буржуазии и города, и деревни. Так, из ревизских сказок узнаем, что в одном только 1785 г. выходцев в мещане и купечество значилось: по Полоцкой экономии—177, Витебской—102, по Усвятскому староству—81 и т. д. Подлинный смысл этих выходов заключался не только в желании получить личную юридическую независимость от помещика, но и в стремлении к увеличению капиталистических накоплений, рост которых в городе и местечке обеспечивался большими возможностями, нежели это позволяли крепостные условия деревни. Что выходцы пополняли главным образом ядро городской и местечковой буржуазии говорит простое сопоставление цифр роста общего числа купцов и мещан, выясняющее гораздо большую интенсивность увеличения купечества.

Представители торгового капитала белорусских городов и местечек—это преимущественно мелкие скупщики, извлекав-

Рис. № 4. Крестьянская буржуазия. „Паук“.

шие выгоду из крестьянской нужды и задолженности (см. рундук 3, сцена 1-я). Крупные торговые операции, как по экспорту, так и по импорту производились группой купцов первой и второй гильдии. Что же касается номенклатуры вывозившихся и ввозившихся товаров, то данные о ней свидетельствуют о торговых оборотах преимущественно за счет вывоза сырьевых продуктов и ввоза предметов, предназначавшихся для обслуживания потребностей, главным образом, господствующих классов.

В пореформенный период предпосылки классового расслоения деревни значительно усложняются. Ограбление деревни реформой 1861 года усилило обнищание крестьянства, котоое особенно сильно охватило быв. частновладельческих крепостных, получивших в большинстве недостаточные (минимальные) наделы.

Помимо прямого ограбления деревни, необходимо отметить и другие следствия реформы, в частности произведенное ею усиление дифференциации типов крестьянского хозяйства, вызванной большими различиями в нормах наделения землей. Так, в быв. Витебской губ. из общего количества крестьян получили на мужскую душу свыше шести десятин — 13,8% (преимущественно быв. государственные крестьяне), от четырех и шести десятин — 48,1%, ниже четырех десят. — 38,1%. Таким образом, самый принцип наделения землей усиливал сложившиеся в крестьянской среди социальные группировки. Особенно хорошо это видно из рассмотрения цифр размеров земельных наделов, например, по быв. Минской губ., где значительное большинство дворов, именно 11796 получили менее 10 дес. на двор, а 1461 — менее 5. При таких условиях, естественно, процесс дальнейшего обезземеления одной, при том большей части крестьян, как равно и процесс укрепления капиталистических элементов (см. рундук 3, сцена 2-я) должен был дать знать о себе уже в ближайшие пореферменные годы. И действительно, в 70-х годах 10,5% крестьян имели уже только до трех десятин на ревизскую душу, а не-

Хата бедняка, щиты №№ 5, 6, рунд. № 3.

которые и вовсе лишились земли. Так, по статистическим данным за 1893 г. количество безземельных по белорусским губерниям колебалось между 5,6% и 9,7%. Низкая обеспеченность крестьянских хозяйств землей станет особенно понятной, если принять во внимание указание В. И. Ленина, что „для сведения концов с концами в земельном состоятельном хозяйстве нужно не менее 15 десят." [1]).

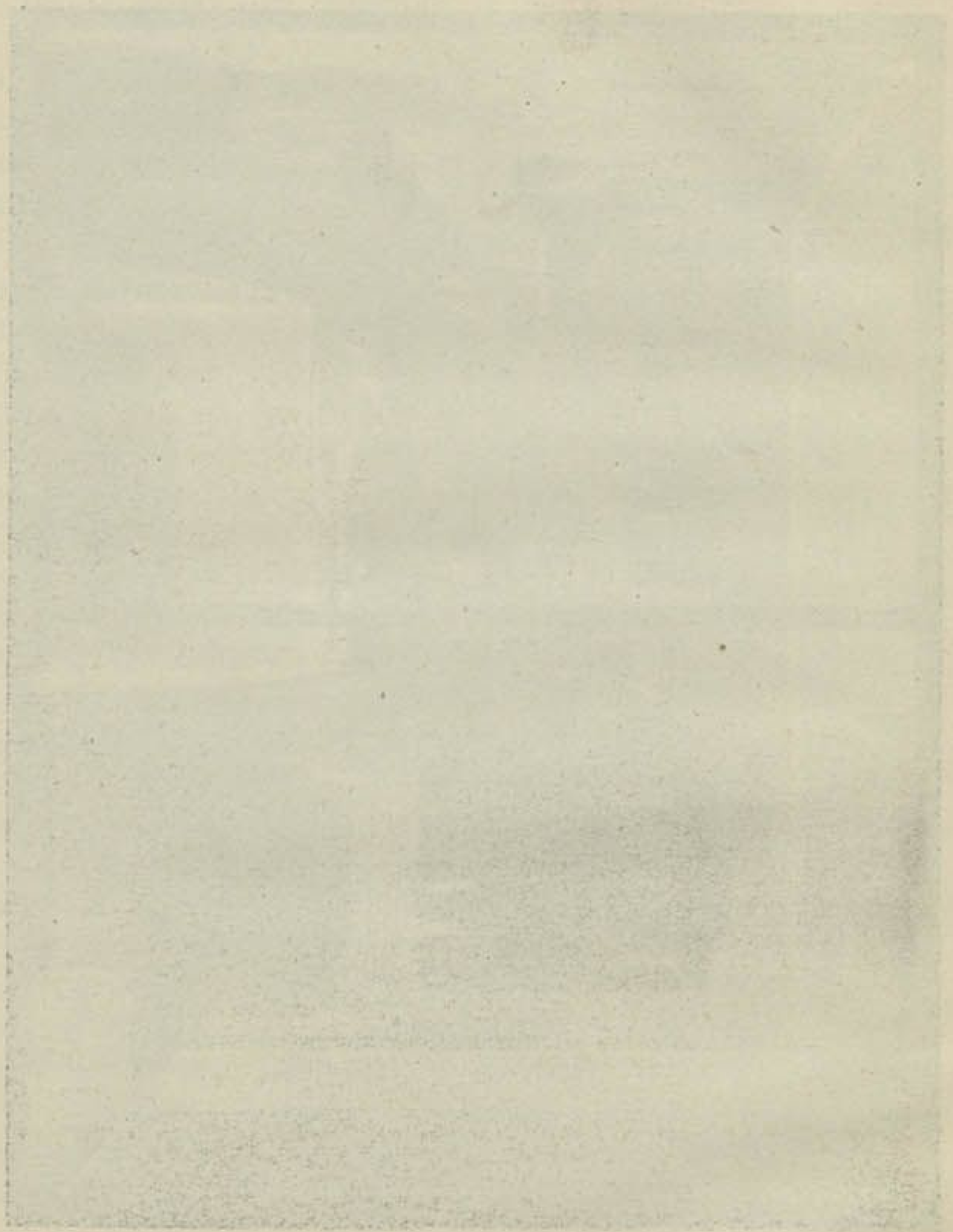
Ту же тяжелую картину обнищения деревни рисует нам и нарастание безлошадности, которая в период времени с 1893—1894 г. составляла по Белоруссии 15,2%, в 1900 г.— 16,5%, а в 1912 г., т. е. накануне Октябрьской революции— уже 20,2%. Понятно, что при таком положении большинства крестьянских хозяйств, капиталистические элементы деревни располагали богатой почвой, поскольку „необходимым условием существования зажиточного крестьянства является образование контингента батраков и поденщиков" [2]), каких и поставляла деревня в неограниченном числе эксплоататорам всех категорий. (См. сцену в кулацкой хате, зал II).

Процесс капитализации распространился, конечно, и в большей степени также и на помещичье землевладение. Характер происшедших здесь сдвигов определен В. И. Лениным следующим образом: „к концу XIX в. феодальная и крепостная земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной земельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п., возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег" [3]). И действительно, с конца XIX в. наблюдается значительный рост средних капиталистических

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. XII, 1931, стр. 221.
[2]) Собр. соч., т. III, 1930, стр. 72.
[3]) Собр. соч., т. XII, стр. 218—219.

Рис. № 5. Местечковая еврейская буржуазия.

владений, преимущественно в размерах от 100 до 500 дес. Как широко развернулся этот процесс можно судить по следующим общим данным, характеризующим происшедшие изменения по отдельным белорусским губерниям за время 1877—1905 г.: по Витебской губ. таких владений в 1877 году насчитывалось 920, а в 1905 уже 1810, по Могилевской—в 1877—1884, а в 1905—2302; по Минской—в 1877—1022, а в 1905—2419.

Если оставить в стороне помещика, хозяйство которого переключалось на капиталистические рельсы, несмотря на обилие тормозивших быстроту этого процесса феодальных пережитков, и присмотреться к хозяйствованию капиталистической верхушки деревни, то и здесь не трудно убедиться в том, что в руках крестьянской буржуазии сходятся нити и торгового капитала (отдача в ссуду под залог земли, скупка разных продуктов и пр.) и промышленного капитала (торговое земледелие при помощи найма рабочих и т. п.) [1]).

Сомнения в этом отношении отпадают сами собою, если учесть уже только размеры кулацких владений (от 10 и выше дес. на душу), которые никак не могли быть обработаны личным трудом.

„Ремесла, отходничество и переселение в отдаленные местности Российской Империи—в этом искала выхода придавленная национальным и социальным гнетом отсталая масса крестьянства“.

РЕМЕСЛА, ОТХОДНИЧЕСТВО и ПЕРЕСЕЛЕНИЯ.

К концу XVIII века существенно меняется облик и городского (местечкового) ремесленника, который до этого почти не был связан с крестьянским рынком и обслуживал, главным образом, господствующие классы, работая непосредственно на заказчика.

Возникновение и формирование капиталистических отношений производило значительные перемены и в его жизни.

[1]) В. И. Ленин. Собр. соч., т. III, стр. 50.

Постепенно ремесло подчиняется капиталистами-скупщиками, теряет свою самостоятельность, а вместе с ней и непосредственного потребителя—заказчика. На ряду с этим заметно изменяются отношения и внутри ремесленных цеховых организаций, т. е. в среде „старших" и „младших" или мастеров с одной стороны, подмастерьев и учеников—с другой. Какие формы принимали эти вновь складывавшиеся отношения рассказывают многочисленные документы ремесленных цехов конца XVIII и начала XIX в.в., которые вскрывают: а) стремление мастеров стеснить подмастерьев в праве открывать самостоятельные предприятия, b) стремление увеличить сроки ученичества на выгодных для себя условиях. „Мы, старшински и подстаршински и всея наша братия (братство А. С.) цеху ричажницкого (канатного),—говорится в одном из таких документов,—при полном нашем собрании утверждаем мы то оттого 1800 года, что бы адслужа подмастерья од мастера своего явится в ремесленную управу и дозволитися у старшины и подстаршинских и од старых мастеров должен взять дозволение о работе, о своем пропитании, то должен старшинск и подстаршински принять ево в ремесленную управу и записать в книгу и дозволить ему работу робить свою и ходить по мастерам по дневных пропитаниях аж до трох лет и подрядов никаких не производить не должен, учеников для научения того ремесла брать не может до тых трох лет. После того срока явится подмастерью должно в ремесленную управу, то старшина и товарищи ево могут тым подмастерьям дозволить (а могут не „дозволить" АС) всякие подряды иметь того ремесла и учеников для научения брать могут и то мы утверждаем впред, что бы было свято и нерушимо" (А. Супінскі. Прыгонная Віцебшчына, 1928, ст. 19).

К концу первой половины XIX в. процесс классового расслоения ремесленных организаций зашел еще глубже. К этому времени в основном мы имеем уже дело с новым типом ремесленных цехов, фактически превратившихся в союз

Рис. № 6. Ремесло в деревне. Бедняк крестьянин—токарь.

мастеров-хозяев, направленный против жизненных интересов складывавшегося ремесленного пролетариата.

Отмечая условия существования основной массы населения Белоруссии, естественно нельзя упускать из вида и ту часть его, которая была выброшена в отдаленные незаселенные местности Российской империи. Особенно больших размеров переселения белоруссов достигают уже в начале XX ст., в связи с углублением процесса капитализации сельского хозяйства и широкого обнищания деревни. Картина этих переселений в известной мере выявлена и поражает своим объемом. Так, по данным всеобщей переписи 1926 г. переселившихся до Октябрьской революции из Белоруссии в различные местности значилось: в Приуралье—23545 ч., в Башкирию—17905, на Украину—38514, в Средне-волжский край—6753, на Северный Кавказ—1797.

Однако, наибольшее число переселенцев перебрасывалось в Сибирь, где белоруссы составляют порою значительный процент в общей массе населения некоторых округов. Так, например, в одном только Сибкрае, среди 7 555 909 человек его населения, в итоге этого процесса, еще в 1926 году белоруссы составляли 311 288 челов.

Но переселения, конечно, не поглощали всей избыточной рабочей силы. Значительная часть ее оставалась в пределах белоруссии же, изыскивая средства к существованию в ремеслах, отходничестве на заводы, шахты, в батраки и поденщики и т. п.

Насколько значительный удельный вес имели эти виды занятий можно судить по некоторым данным земской переписи 1910 г., которая установила, что, например, в одной только Могилевской губ. неземледельческими промыслами занималось 145 000 ч. из них: ремесленников (не порвавших с землей) 30 000, поденщиков и чернорабочих 35 000 ч., сплавщиков леса 15 000 ч., возчиков 3 800 ч. и т. д.

„Низкая ступень развития производительных сил неизменно вызывает зависимость человека от природы и связанность его отношений к ней".

ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИЯ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛОАТАЦИИ И УГНЕТЕНИЯ.

Произведенные в разное время этнографические записи дают нам довольно яркую картину быта белорусской деревни, не вышедшей из-под власти природы и целиком подчиненной ей. В связи с этим сверхъестественное и таинственное занимало господствующее место в представлениях белоруса, в частности в его религиозной идеологии, весьма и весьма далекой от ее выражения в обществах товаропроизводителей, для которых „наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях"... (К. Маркс).

Многочисленные пережитки верований у белоруссов ведут нас далеко в глубь истории, нередко еще к мировоззрению первобытных коммунистических обществ или к его более поздним проявлениям, характеризующим уже разложение этих обществ на почве возникновения частной собственности.

Наибольшее число известных нам ранних представлений у белоруссов относится преимущественно к культу солнца, символические изображения которого возникали еще в коллективах первобытных людей.

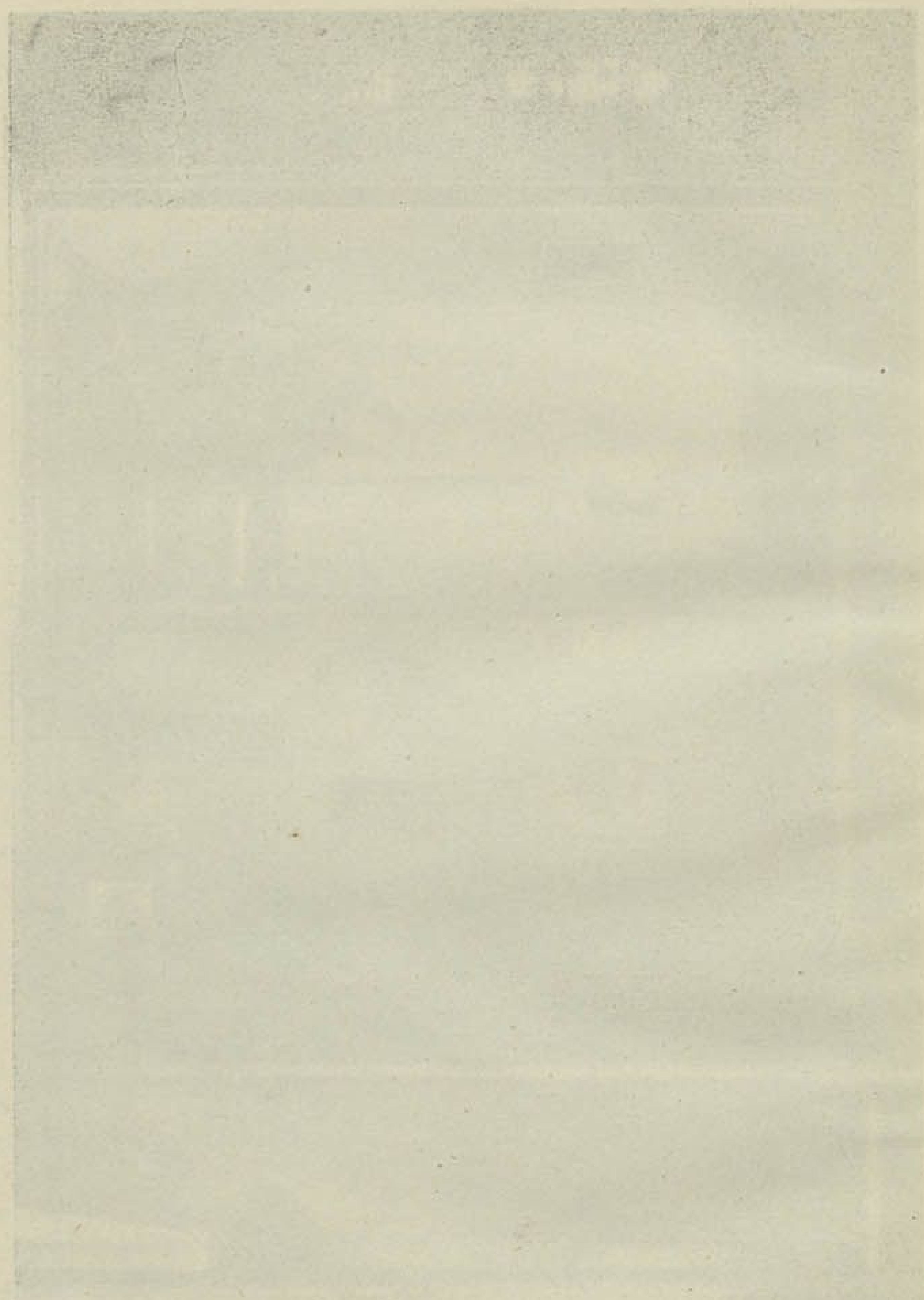
Многие из таких изображений в виде оберегов, амулетов и талисманов сохранились еще и до сих пор в глухих углах Белоруссии, где они все же постепенно теряют свой смысл даже в глазах стариков.

Щиты №№ 9, 10, 11.

В этом отношении можно указать хотя бы на группу громовых знаков (крест в круге, косой крест, колесо и др.), которые изображались внутри хаты, чаще на продольной потолочной балке, именуемой „дзед" или же на других наружных частях жилища, в частности на фронтоне.

Рис. № 7. Ремесло в местечке. Еврей сапожник.

Формирование классового общества, узаконение насилия одних классов над другими, существенно изменило религиозную идеологию социальных низов. Особенно заметно сказалось это на комплексе представлений, относящихся к смене времен года (смена лета зимою), воспринимавшейся в преломлении мышления классового общества как борьба добрых и злых сил природы. Так, например, день летнего солнцестояния (24 июня по ст. стилю) и следующий за ним поворот к зиме с постепенным убыванием солнечной энергии, воспринимался как момент торжества злых сил в природе. Поверья и обряды, связанные с этим днем, именуемым „Купáлою", „Купàльскім сьвятом", рассказывают нам, что в результате победы над солнцем злые силы, чаще в образе ведьмы, окружают также и человека, причиняя вред хозяйству, угрожая его жизни. Отсюда стремление оградить себя магическими знаками солнца, огня или самим огнем (зажиганиа костров у скотных сараев, на краю деревни, прыгание через костер, танцы по кругу у костра и т. д.)

В купальскую же ночь проводились наговоры на хозяйство или даже жизнь недруга. Чаще всего такие наговоры соединялись с завиванием „залома" на поле того, кому хотели причинить вред. „Расколдовывать залом" звали, обычно, попа или знахаря, подчиняясь их условиям оплаты. Необходимо отметить, что и поп и знахарь вообще широко пользовались культурной отсталостью населения, извлекая материальные выгоды из распространенных 'суеверий. В этом отношении наглядным примером может служить использование, с целью прямой эксплоатации, пережитков древнего почитания воды и веры в ее „исцеляющие" свойства. В известных нам многих случаях на источниках такой воды воздвигались, обычно, оберегавшиеся часовни и вода из них, как „исцеляющая" от всех недугов, отпускалась за деньги и иные приношения. От попа не отставал и знахарь, „заговаривавший" болезни, отпугивавший „нечистую силу", „увеличивавший" урожаи, приплод скота и т. п.

„Защищая" от злых сил хозяйство и жилище, человек стремился „защитить" от них и себя. Для этой цели он пользовался

различными оберегами, среди которых особо важное значение принадлежало поясу. В повязанном виде последний служил символом круга-солнца. Его магическая роль увеличивалась узорами (знаками огня), которые сохранили названия — у белоруссов „круг“, у русских „круг“, „глаз“. С целью безопасности магический орнамент наносился также на поясную и плечевую одежду.

Шкафы №№ 12, 13, 14.

С развитием представлений о душе и дальнейшим видоизменением культа предков, силы природы (прежние „тотемы“) перевоплощаются в антропоморфный (человеческий) образ, приобретая впоследствии значение человекоподобных божеств.

Роль таких божеств в конечном счете определялась отношениями самих людей в процессе производства средств материальной жизни. Изменение этих отношений на основе изменения в способах производства влекло за собою соответствующие сдвиги и в представлениях о „деятельности“ богов. „Всякая религия, — говорит Ф. Энгельс, — есть не что иное, как фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над их повседневным бытием, — отражение, в котором земные силы приобретают форму сил надземных. На первых ступенях истории таким образом, прежде всего, отражаются силы природы“ [1]).

То же самое следует сказать и об отношениях между богами, которые отражают отношения людей на определенных этапах общественного развития. Оттого то в религиозных культах классовых обществ вообще, в том числе и на территории Белоруссии, усиливаются мотивы борьбы доброго и злого начала, правды и лжи, складываются представления о „лучшей“ загробной жизни и т. д. „Бессилие эксплоатируемых классов в борьбе с эксплоататорами, — пишет по этому поводу В. И. Ленин, — так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой зарождает веру в чертей“ [2]).

[1]) Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 229.
[2]) Мысли В. И. Ленина и религии, изд. Атеист.

„Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободно обобществившихся людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для такого общества необходима определенная материальная основа или ряд определенных материальных условий существования, которые в свою очередь представляют естественно выросший продукт длинного и мучительного процесса развития" [1]).

В христианских культах, характеризующих классовое общество, фантастическое отражение в головах людей господствующих над их повседневным бытием внешних сил хорошо выступает, например, в легенде о рождении Христа „солнца правды".

По легенде, солнечный бог Христос торжествует над царем Иродом, уже не столько символом враждебных человеку явлений природы, сколько социального зла в классовом обществе. В представлении социально-угнетенной части населения Белоруссии легенда о рождении Христа, противопоставляемого символу социального зла царю Ироду, получила особенно выразительный характер. Мы имеем в виду так называемые „вертепные действа", разыгриваемые посредством вертепа (построенного по принципам кукольного театра) в дни праздника зимнего солнцестояния („ко́ляды", т. е. Рождество). В этих „действах", как оказывается, фигурируют не только Христос и царь Ирод, но и представители различных социальных слоев с определенной их ролью в „действе", полностью соответствующей их действительной роли в обществе (например, пан, паненка, нищий, батрак, поп, и т. д.)

Преломление религиозных верований через призму социальных отношений людей,—это закономерное явление для нищей

1) К. Маркс. Капитал, т. I, 1930, стр. 37.

деревни царской колонии Белоруссии. В особенности сказанное относится к христианскому религиозному мировоззрению, которое по своей отвлеченности не могло найти подходящей почвы у культурно-отсталой и угнетаемой части населения белорусской деревни. Понятно, что попытка воздействовать на идеологию белоруса насильственным путем через церковь упиралась в таких условиях в непреодолимые препятствия. Христианство для белорусса—это прежде всего поп с его вымогательствами и принуждением, которым он должен подчиняться, независимо от того, кто осуществлял насилие над ним—представитель православной, католической или униатской церкви. Формальное, часто враждебное отношение белорусса к церкви нашло свое выражение в многочисленных антипоповских и по существу антихристианских сказках и рассказах, представляющих нередко подлинные художественные образцы творчества угнетенных масс деревни.

К концу XVIII в. позиции христианства в Белоруссии значительно укрепились. В этом отношении основную роль сыграло формирование сельской буржуазии, для которой христианское ученье составляло уже питающий источник. В ее среде христианский культ приобрел значение активной силы, общественные функции которой преследовали совершенно определенные эксплоататорские цели. Подлинное содержание последних обстоятельно вскрывает кулацкий фольклор, где богу отводится большое и почетное место, так как он всегда на стороне богатых, оправдывает и прощает их преступления и даже „сделал так, что без зла верно и мир кончил бы свое существование“ (из сказки „Прамудры Салімон). Кулачество—опора церкви, ее верный союзник. Они взаимно помогали друг другу, естественно в житейских делах, связывая бедноту цепями зависимости и экономической, и моральной. Недаром после Октября и поп, и кулак стали активнейшими врагами советской власти.

Шкафы №№ 15, 16, рунд. № 6.

Однако, религия (ее официальный орган — церковь) была не только орудием эксплоатации. Ее служебные функции шли значительно шире, по линии национального гнета и борьбы

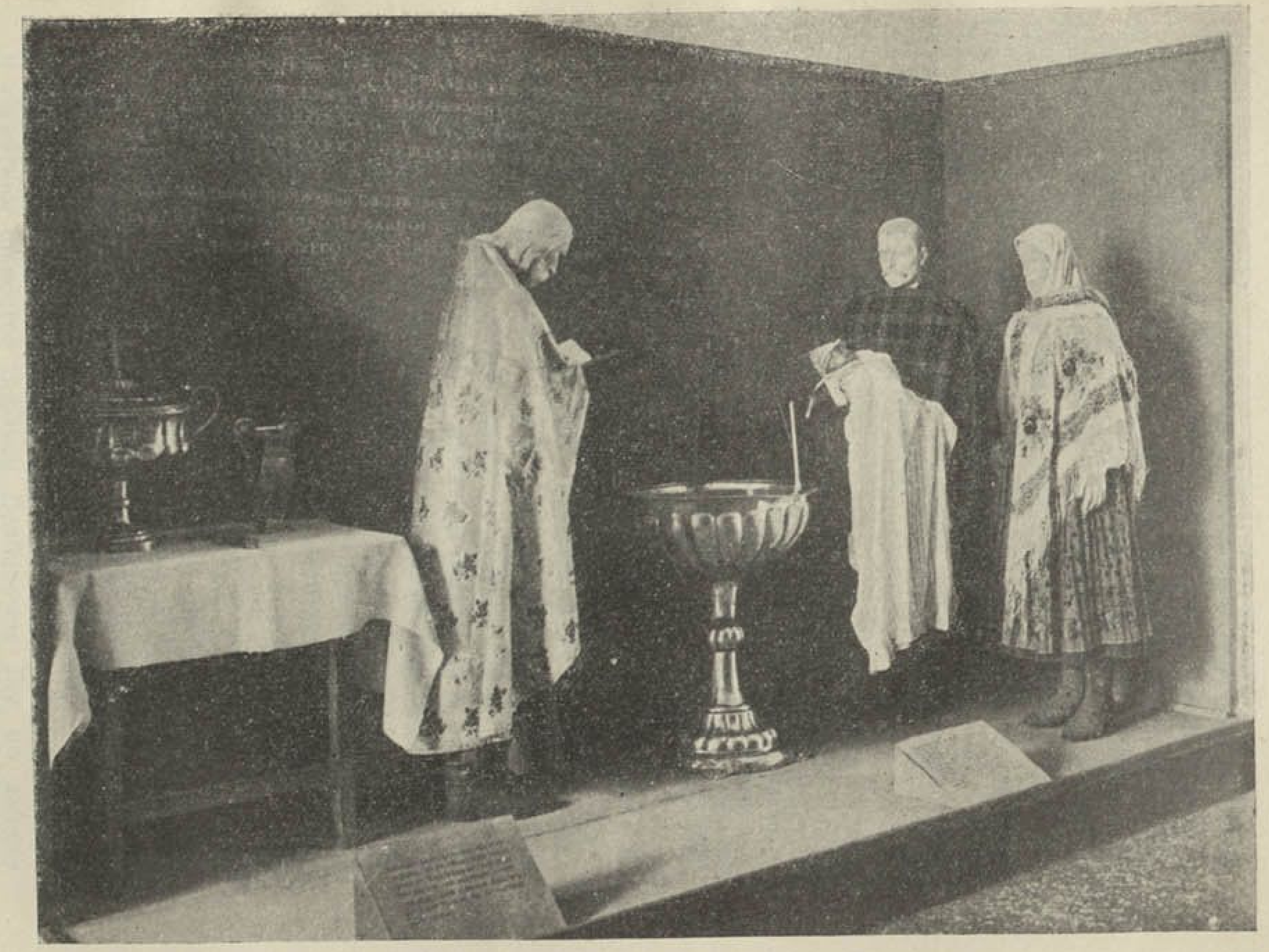

Рис. № 8. Руссификаторская деятельность православной церкви. Крещение ребенка от смешанного брака

с революционным движением. Конкретные проявления этой стороны религии в Белоруссии выражались непосредственно в том, что церковь помогала полиции раскрывать революционные организации в деревне или, например, осуществляла задание правительства по руссификации населения, в частности проводила в жизнь царский закон с православном русском потомстве от смешанных браков. Церковь же помогала руссифицировать население не только прямой работой причта, но и своим безраздельным господством над школой, закладывавшей основы „любви“ к вере, царю и отечеству.

„Только партия Ленина могла обеспечить правильное руководство революционной борьбой пролетариата и стихийно нараставшим движением в деревне; только она правильно решала задачу организации пролетарских и полупролетарских рядов“.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ДО ОКТЯБРЯ.

Протест угнетенных против угнетателей складывался исторически еще в условиях крепостной эксплоатации. Но тогда он воплощался преимущественно в пассивную форму сопротивления, которое состояло в массовых побегах за рубежи Белоруссии. Эти побеги имели настолько большое распространение, что на борьбу с ними правительство должно было бросить значительные силы. Насколько побеги крепостных беспокоили помещиков и их правительство рассказывают хотя бы методы жесточайшей расправы с задержанными. Пытка и каторга—вот чем отвечало правительство помещиков на побеги рабов крепостной Белоруссии. Побеги, как метод избавления от гнета практиковались не только в деревне, но и в городской, особенно местечковой среде. Яркую картину побегов рисует нам, например, ведомость по гор. Суражу (Витеб. губ.) от 29 июня 1795 г., составленная бурмистром Данилою Коровчинским и еврейским старостой Зорахом Лейбовичем. Так, по данным ведомости в 1782 г. по городу Суражу насчитывалось жителей

обоего пола 2498 чел., из коих евреев 1708 и белоруссов 780 чел. Через двенадцать лет, т. е. в 1795 г. осталось только 1862 ч., включая естественный прирост за счет родившихся. Списки Коровчинского и Лейбовича отмечают 636 беглецов, в том числе евреев 567 и белоруссов 69.

Однако, на ряду с пассивным протестом имели место и случаи активного сопротивления угнетателям (главным образом одиночек или небольших групп), которые обычно кончались либо поджогом барской усадьбы, либо избиением и даже убийством помещиков и чинов полиции.

В пореформенный период, особенно к концу XIX в. классовая борьба в Белоруссии принимает совершенно новое направление. К этому времени складывается основная движущая сила революции—промышленный пролетариат, партия которого завоевала исключительное влияние и в городе, и в деревне. Работа по идейному и организованному укреплению рядов принимает невиданный размах и достигает особой напряженности в период между первым и вторым съездом Р.С.Д.Р.П. (1898—1903 г.). Правда, успешное завершение консолидации революционных элементов Белоруссии в значительной мере тормозилось мелкобуржуазными прогрессивными партиями, в частности „Бундом" (Всеобщий еврейский рабочий союз), националистическая деятельность которого мешала делу сплочения рабочего класса, делу его революционной борьбы. Более того, националистические установки „Бунда" вели непосредственно к затушевыванию классового расслоения в еврейской среде, к единению с национальной буржуазией и, наконец, к идейному срастанию с сионистским движением, которое в свое время горячо приветствовал охранник Зубатов.

Щиты №№ 17, 20, шкафы №№ 18, 19, рундук № 7.

Антипролетарская и националистическая деятельность „Бунда" встретила решительное и категорическое осуждение со стороны В. И. Ленина, который по вопросу о том нужна ли „самостоятельная политическая партия" еврейскому пролетариату писал: „Автономия" устава 1898 г. обеспечивает еврейскому рабочему движению все, что может быть ему нужно:

пропаганду и агитацию на жаргоне, литературу и съезды, выставление особых требований в развитие одной общей социал-демократической программы и удовлетворение местных нужд и запросов, вытекающих из особенностей еврейского быта. Во всем остальном необходимо полное и теснейшее слияние с пролетариатом русским, необходимо в интересах борьбы всего пролетариата России. И неосновательна, по самому существу дела, боязнь всякого „майоризирования“ (подавления простым большинством. Редакц.) при таком слиянии, ибо от майоризирования в особых вопросах *еврейского* (курсив В. И. Ленина) движения гарантирует именно автономия, а в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность, с тем, чтобы потом лечить искусственно привитую себе болезнь пластырями пресловутой „федерации“ [1]).

Помимо „Бунда“ националистические стремления находили прочное место также и в белорусской интеллигентской организации — „Беларускай Сацыялістычнай Грамадзе“. Опираясь на капиталистическую верхушку деревни, последняя в сущности вела борьбу за интересы национального капитала, которому она расчищала путь открытой защитой столыпинской реформы.

Накануне революции 1905 г. Белоруссия была еще крайне отсталой страной, где промышленность находилась на очень низкой ступени развития. „Тем не менее все же существовало много промышленных центров в Виленской, Гродненской, Витебской губерниях, которые стали центрами революцион-

[1]) В. И. Ленин. Избранные произведения, т. I 1933, стр. 536—537.

ного движення рабочих. Молодой рабочий класс Белоруссии вписал свои геройские страницы в историю классовой борьбы.

11 января, в ответ на расстрел рабочих возле зимнего дворца, в Вильно забастовали рабочие чулочных и заготовочных мастерских. Забастовка распространилась дальше. Стали все предприятия города, прекратился выход газет. Социал-демократы призывали рабочих к восстанию, но оно не удалось: казаки навели порядок. Сморгонь—значительный промышленный центр Белоруссии — был вооруженным путем захвачен рабочими; восстание шло под лозунгом: „Да здравствует свобода", „Долой самодержавие" и т. д. При подавлении этого восстания было арестовано 60 рабочих. В городе Крынках—центре кожевенной промышленности—также состоялось вооруженное восстание, были разгромлены все правительственные учреждения, из всего начальства остался только один больной надзиратель; остальные удрали из города. Город был взят только после того, как был окружен казаками. Восстание было подавлено, арестовано 200 человек рабочих. Катилась по Белоруссии и волна экономических забастовок, которая захватила и крупные предприятия, и железнодорожные мастерские, и ремесленников, и чернорабочих. В Минске остановились все предприятия. То же самое наблюдалось и в других городах.

После опубликования манифеста 17 октября, рабочие г. Минска организовали значительную демонстрацию, которая закончилась трагически. По приказу губернатора Курлова на улицах Минска было расстреляно 50 демонстрантов и ранено 300 человек. Движение в Белоруссии приобрело широкий размах и вызвало острую революционность и организованность рабочих. Дурново давал приказы Виленскому генерал-губернатору действовать оружием без всякого милосердия.

Эти важнейшие примеры движения свидетельствуют о том, что несмотря на свою малочисленность, рабочий класс Белоруссии показал свою способность быть авангардом трудящихся

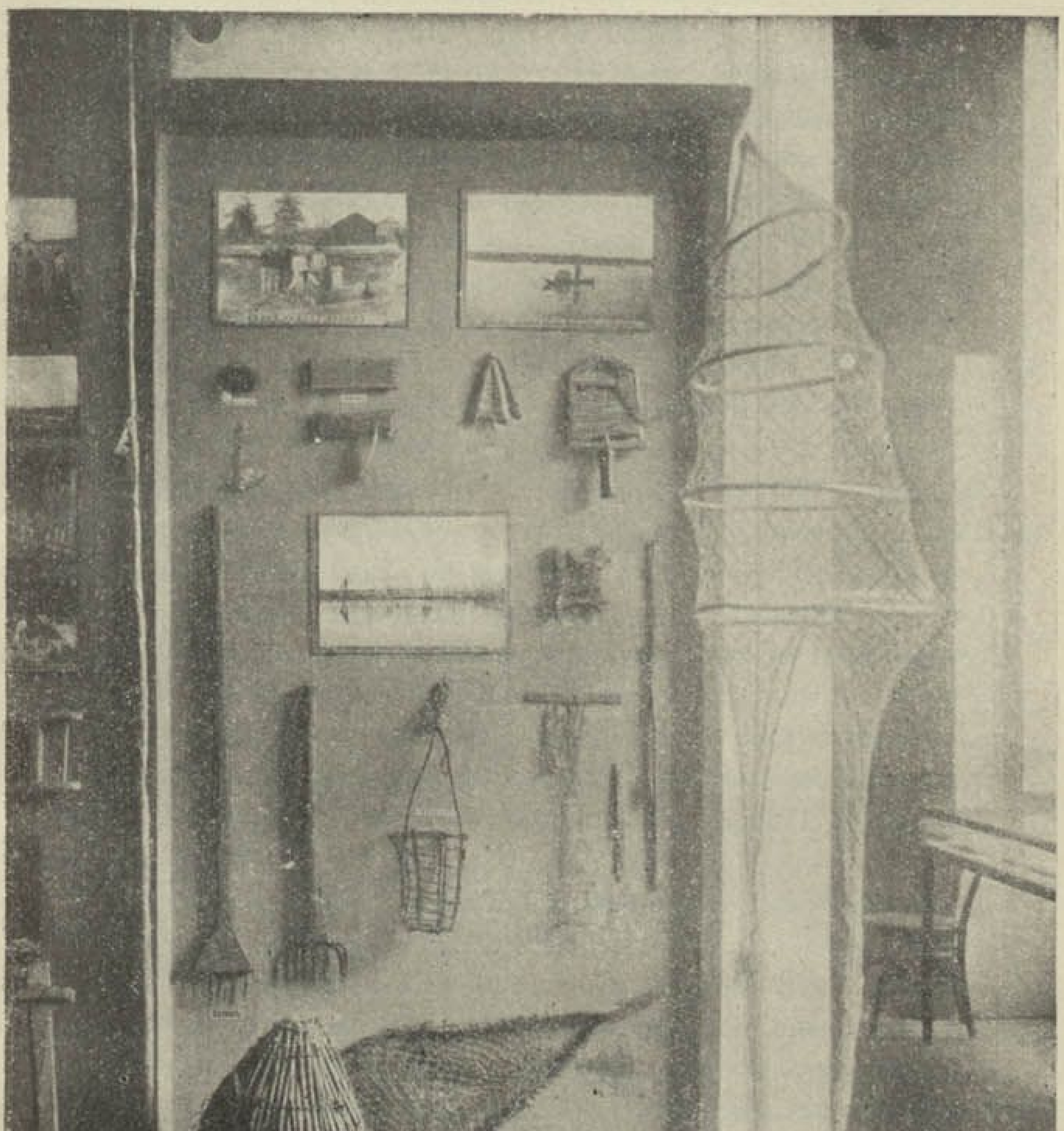

Рис. № 9. Крестьянский рыболовный промысел в Белоруссии.

масс в борьбе за политическое освобождение". (Д. Дудкоў. Дыскусія аб „Нашай Ніве", стр. 5, 1932).

Под руководством пролетариата движение принимало острый характер и в деревне. „15 августа 1905 г.,—рассказывает Драбкин,—в Лядах, Могилевской губ., на крестьянском сходе выступил член Смоленского социал-демократ. Комитета, говоривший о Государственной Думе, о голоде, о рекрутчине, причем крестьяне приняли резолюцию, требовавшую передачи земли, захваченной арендатором, изгнания волостного старшины и замены его выборным крестьянским комитетом, отказа от платежа налогов и сдачи рекрутов, устранение пьяницы попа и раздела его 70 десятин земли".

Вопрос об организации пролетарских и полупролетарских масс деревни о правильном руководстве нараставшим в ней стихийным движением, организация революционно-крестьянских комитетов, расширение революционного движения в деревне вплоть до вооруженного восстания—вот те стержневые вопросы, на которых заострялось внимание партийного рабочего руководства и что, например, нашло свое выражение в революции конференции Виленской, Сморгонской, Гродненской, Ошмянской и Лидской Организации РСДРП, созванной в январе 1906 г.

Революция 1905 г. показала помещикам и их правительству, насколько грозен облик обнищавшей и голодной Белоруссии, включавшейся в единый фронт пролетарского движения. После этого неудивительно, если царское правительство отнесло Белоруссию к числу наиболее небезопасных губерний, где трудно было продолжать эксплоатацию, основанную только на силе эскадронов земской стражи, казачьих сотен и полиции. Требовались какие-то более реальные средства, и вскоре в их число преподнесли столыпинскую реформу, смысл которой был вскрыт В. И. Лениным в следующих словах его „Политических заметок": „и Столыпин, и черносотенные помещики, и октябристы понимают, что без создания новых классовых опор удержаться им у власти нельзя. Отсюда—их

политика разорения крестьян до тла, насильственного слома общины для расчистки пути капитализму в земледелии во что бы то ни стало“ [1]).

На практике столыпинщина двинула классовое расслоение деревни вперед, укрепила рост капиталистических элементов, превратившихся в предмет постоянных забот со стороны правительства и различных буржуазных партий, в частности БСГ. Предательская роль последней определилась уже в те дни, когда национал-демократы из БСГ из кожи лезли вон, доказывая на страницах газеты „Наша нива“, что „хутора—лучшее спасение для нашей деревни (№ 42, 1909 г.). Они действительно прекрасно понимали свою задачу борьбы с революционной частью крестьянства, для которого переход к хуторской системе землепользования означал ускорение обнищания в окружении стеснивших его кулацких хозяйств.

Империалистическая война окончательно решила вопрос об отношении пролетарских и полупролетарских слоев деревни к государству помещиков и буржуа, во имя которых ставилась на карту жизнь миллионов. За это время, даже самая отсталая часть крестьянства поняла, что единственный выход из положения—это революционный путь пролетариата и его партии, путь революционной борьбы под руководством большевиков.

„Глухое подполье не мешало партии Ленина оставаться единственным вождем в борьбе рабочего класса“.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ.

После февральской революции у власти оказались те же помещики, принимавшие меры к ограждению своих земельных фондов. Белорусский национальный комитет, возникший уже в конце марта 1917 г., не внушал ни малейшего доверия. В состав этого комитета вошли помещики, ксендзы, адвокаты и т. д., во главе которых стал владелец крупных латифундий

[1]) В. И. Ленин. Собрание соч., т. XII. 1931, стр. 123.

помещик Скирмунт. „В руках Скирмунтов комитет превратился в орудие борьбы против аграрного движения (см. резол. созванного им крестьянского съезда), проводника польской ориентации, к которой примкнули те классы и группировки Белоруссии, которые не видели ничего хорошего для себя от русской революции“ (Revол. и национальности, Комакадемия, 1930).

Комитет ставил своей задачей отстаивание интересов „всех классов Белоруссии“, о чем велась обширная пропаганда, в частности через шовинистическую газету „Вольная Белорусь“.

В июне 1917 г. комитет созвал второй съезд „белорус-организаций, учредивший „Центральную Раду“,—возглавлявшую реакционное движение, направленное против выступления революционных организаций, где большевизм играл ведущую роль.

5 марта 1917 г. в Минске возник первый в Белоруссии совет рабочих и солдатских депутатов, во главе которого стал т. Позерн.

В сентябре 1917 г. состоялась первая большевитская конференция, избравшая Комитет Северозападной Области. Сейчас же за ней, именно 5 октября, последовал созыв второй конференции, в которой приняли участие, помимо большевистских организаций Северозападной Области, также Организации Запфронта: Витр. № 22.

Влияние большевиков в эти дни достигло огромных размеров. Им принадлежало подавляющее большинство голосов Совета, в их же распоряжении находилась Минская милиция, первым начальником которой был М. В. Фрунзе. Этим объясняется „мирный“ характер Октябрьского переворота, последовавшего тотчас же по получении сведений о революционных событиях в Петрограде. Совет захватил власть и немедленно создал „первый революционный полк имени Минского Совета“, укомплектованный, главный образом, добровольцами из числа освобожденных после переворота, арестованных за выступление против правительства Керенского.

С не меньшей быстротой создавалась власть Советов и в остальной части Белоруссии, для установления которой был организован Военно-Революционный Комитет во главе с т. Мясниковым.

Первое выступление контр-революционных сил произошло 27 октября, когда Минск окружили посланные против большевиков казачьи отряды. Однако, 2 ноября, при поддержке прибывшего с Запфронта бронепоезда, советская власть была восстановлена. Впоследствии молодой Советской Республике пришлось преодолевать целый ряд контр-революционных выступлений, в частности вести ожесточенную борьбу против планов по отправке контр-рев. военных сил для подавления революционного движения в Петрограде.

В январе 1918 г. против Советской власти в Белоруссии выступил генер. Довбор-Мусницкий, который занял своими легионами Бобруйск, но был дважды разбит советскими отрядами и отступил к ст. Осиповичи. В других пунктах Белоруссии, как, например, в Витебске и Крынках, его легионы были разоружены.

Вслед за выступлением Довбор-Мусницкого, именно 19 февраля 1918 г. началась немецкая оккупация, в результате которой центр Советской Белоруссии был перенесен в Смоленск, где на созванном 10 апреля очередном Съезде Советов избирается Областной Исполнительный Комитет Западной Области.

Летом 1918 г., на III Съезде Советов „Облискомзап“ объявил себя „Западной Коммуной“, в состав которой вошли б. Смоленская губ. и не оккупированная немцами часть Витебской.

В то время как еще немногочисленные отряды красной гвардии и красных партизан сдерживали наступление немцев, на занятой ими территории, под защитой их штыков происходила лихорадочная работа по объединению националистических сил. Основная ведущая роль в этом деле принадлежала „Белорусской Социалистической Громаде“.

Немедленно после ухода большевиков, совет разогнанного большевиками еще в декабре 1917 „белорусского“ съезда обявил себя высшей властью, а Белоруссию—„самостоятельной“ народной Республикой, которую, однако, немцы не признали. Дальнейшая политика этого нового „правительства“ сводилась к лакейскому заискиванию перед немецким командованием, высшей формой которого явилась посылка благодарственной телеграммы Вильгельму II—„освободителю“ Белоруссии от большевиков. Одновременно в этой телеграмме излагалась просьба о покровительстве „Народной Республике“ со стороны Германской Империи. Подобного позора не выдержали некоторые из „левых“ громадовцев, заявивших о своем выходе из состава „правительства“. В результате происшедшего „раскола“ высшая власть мифической республики перешла к так называемому „Временному Совету пяти“. **Щит № 23.**

Коммунистическое движение в оккупированной части Белоруссии ушло в подполье. Основное руководство им принадлежало минской организации, проводившей обширную и чрезвычайно напряженную борьбу на два фронта: с немецкой оккупацией и с социал-предателями. Ее боевыми органами в это время являлись газеты: „Подпольная правда“ и Der Rote Soldat. На второй конференции подпольных организаций в Смоленске (первая происходила в Минске в мае 1908 г.) был создан „Краевой Комитет Коммунистических Организаций Белоруссии и Литвы“.

После Германской Революции оккупация прекратилась, и войска были отведены. 7 декабря 1918 г. Западная дивизия заняла Минск, и по всей освобожденной Белоруссии была восстановлена власть Советов. 1 янв. 1919 г. создается рабоче-крестьянское правительство объявившее Белоруссию Советской Социалистической Республикой. В это же время IV конференция организации КП(б) объявила себя первым Съездом КП(б).

Первый Съезд Советов Белоруссии постановил объединить Белорусскую Советскую Социалистическую Республику с Ли-

товской, что вызывалось необходимостью борьбы против международной контр-революции. Это постановление было потверждено на Съезде Советов обеих республик, состоявшемся в начале марта 1919 г. Центром Белорусско-Литовской Социалистической Республики являлся г. Вильно.

19 апреля 1919 г. польские войска неожиданно подошли к Вильно, после взятия которого их движение в глубь Белоруссии продолжалось. Задержать польских оккупантов не

Щит № 24. удалось в виду немногочисленности оперировавших против них отрядов Красной Армии, основные силы которой были переброшены на участки колчаковского и юденического фронтов.

Движение польских войск сопровождалось разрушениями, грабежом, погромами и жесточайшим террором, вызвавшими широкое партизанское движение.

В числе „подвигов" Пилсудского в это время значатся, например: разрушения железнодорожных мостов, станций, уничтожение целых кварталов в Минске, Борисове, Слуцке и Полоцке, организация ряда погромов, в том числе в Вильно, где погибло свыше 100 челов.

Летом 1920 г. Красная Армия отбросила оккупантов по всему фронту и перешла в контр-наступление, завершившее освобождение БССР. Однако, борьба этим не была закончена. В момент мирных переговоров с Польшей на территории ворвались банды Булак-Балаховича, который в свое время был назначен главнокомандующим „армией" Белорусской Народной Республики. Поражением этой „армии" погромщиков и грабителей закончилась борьба с крупными силами международной контр-революции, на смену которой пришли мелкие бандитские отряды Бориса Савинкова, продолжавшие свои налеты вплоть до 1922 г.

Рис. № 10. Ремесленник единоличник (решетник) в БССР.

„Только политика Ленинской Партии могла превратить нищий „Западно-русский край“ в социалистическую страну огромных возможностей“.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО.

Накануне Октябрьской революции хозяйство Белоруссии представляло собою картину полного разрушения. Посевные площади сократились до минимальных пределов и не только по причине все расширявшегося фронта империалистической войны. Так уже в 1915 г., благодаря общему кризису и следовавшим одна за другой мобилизациям основной людской и тяглой рабочей силы, крестьянское хозяйство не могло справиться с обработкой своих мизерных наделов и забрасывало их. То же самое происходило и в городах, где из года в год прогрессировало сокращение количества занятых рабочих.

События, последовавшие за Октябрем, еще больше осложнили экономическую жизнь страны, превратившейся в один из главных участков борьбы с международной контр-революцией, цели которой заключались не только в борьбе с Советами. На практике нагрянувшие полчища продолжали грабеж уцелевшего от хозяйничанья царского правительства, угоняли последний скот, увозили остатки хлеба, лес и вообще все, что попадалось им под руку.

Относительно „мирные“ условия, позволившие трудящимся БССР начать восстановление страны, наступили лишь с конца 1921 г. Истекшее двенадцатилетие напряженной борьбы на фронте хозяйственного и культурного строительства, помощь братских союзных республик коренным образом изменили облик страны, в настоящее время закончившей построение фундамента социалистической экономики. Итоги первой пятилетки народно-хозяйственного плана свидетельствуют о колоссальных хозяйственно-культурных и бытовых сдвигах, обеспечивших перерождение аграрной, потребляющей Белоруссии с экстенсивным мелко-товарным хозяйством в недавном прошлом в социалистическую индустриально-аграрную страну

сегодняшнего дня. „Политика Партии обеспечила уже теперь в БССР ведущую роль промышленности, такие темпы ее развития, какие необходимы для социалистической реконструкции всего народного хозяйства“ (из докл. секретаря ЦК КП(б)Б т. Шаранговича на XIV Съезде КП(б)Б.

Основной чертой выросшей промышленности БССР является то, что она связана с местной сырьевой базой, которая однако еще далеко не изучена. Обнаруженные новые природные ресурсы обеспечивают огромные перспективы ее дальнейшего роста, как равным образом и повышение ее удельного веса в общем хозяйстве Союза Советских Социалистических Республик.

Щит № 25, открытая сцена № 26.

Небезынтересно отметить, что до Октябрьской революции вскрытые сейчас природные богатства Белоруссии (залежи пластичных глин, кварцевых песков, сапропелей, фосфориты, минеральные источники и т. д.) не были известны. Эксплоатации, при том самой беспощадной, хищнической подвергались, главным образом, леса, особенно частновладельческие. Этого требовала роскошь барских усадеб, которая не окупалась эксплоатацией населения и вела к уничтожению огромных лесных массивов. На сцену выступал толстосум лесопромышленник, который беспощадно оголял пространства, организуя уничтожение основного богатства страны и его сбыт на прибыльный западно-европейский, преимущественно, германский рынок.

Промышленность по переработке леса почти отсутствовала. Насколько невелики были ее размеры в царской Белоруссии, можно судить по нижеприводимым цифрам, взятым за 1913 г.

Губерния	Число деревообд. пред.	В них рабочих	Силовые установки (сколько л.с.)
Витебская . . .	5	1386	920
Могилевская .	14	1174	734
Минская . . .	2	383	123

Рис. № 11. Кооперированное ремесло. Колесный комбинат „Красный деревообделочник“ (м. Пропойск).

Таким образом деревообделочная промышленность сосредоточивалась в мелких технических примитивных ремесленных мастерских,—где изготовлялись предметы широкого потребления, т. е. предназначавшиеся для обслуживания потребностей сельского и местечкового рынков. Открытая сцена № 27.

Но столь мизерный вид имела не только деревообделочная промышленность. В других ее отраслях дело обстояло не многим лучше. Так, в наиболее развитой текстильной промышленности, в том же 1913 г. насчитывалось занятых рабочих: по Витебской губ. 1386 ч. по Могилевской—1174, по Минской—353.

После Октябрьской революции положение резко изменилось в сторону небывалого в истории роста общего благосостояния страны. В этом отношении красноречивые свидетельства дает хотя бы то же самое лесное хозяйство, в прошлом сильно пострадавшее от хозяйничанья хищников царской Белоруссии—помещиков и капиталистов.

Яркую и примерную картину происшедших здесь изменений находим в организации лесного хозяйства быв. Мозырского округа, где сейчас насчитывается лесов государственного значения 679 155 га и местного значения—53 273 га.

Первое, на чем останавливается здесь наше внимание—это значительное увеличение лесной площади, происшедшее за счет использования под лесной посев 15 860 га пустошей и 16 500 га песчаников. С другой стороны, нельзя пройти мимо огромных последствий других лесокультурных мероприятий, направленных к осушке болотных массивов, к правильному распределению лесных участков, к организации охраны леса и т. п. В итоге растущее хозяйство Мозырщины, уже в 1927—28 г. дало в местный бюджет доход в 1 278 400 р., т. е. 42,8%. Наконец, нельзя упускать из вида дорожного строительства, тем более, что для БССР оно является исключительно новым. Щит № 28.

В прошлом дороги Белоруссии поражали своей неустроенностью и характеризовались бесконечными фашинными гатями

или бревенчатым настилом, по которым передвижение было связано с значительным риском. Понятно, сохранение такого положения неизбежно задержало бы выполнение наших планов, требующих максимально быстрых передвижений и соответствующей налаженности транспорта всех видов.

Все это выдвинуло задачу развертывания дорожного строительства ударными темпами, потребовавшими значительных денежных вложений, достигших в 1931 г. 15 336 988 р. Из этой суммы было запроектировано на строительство дорог республиканского значения 2 810 772 р. и на местные районные—12 526 216 руб.

Дороги республиканского значения проложены впервые в БССР только в 1930 г. В настоящее время их протяженность составляет уже 174 770 км, из которых магистрали занимают 14 784 км и подъездные к железнодорожным станциям и пристаням—269 км.

Мероприятия Партии и Советского Правительства в области социалистической реконструкции хозяйства страны изменили его самые отсталые, казалось бы второстепенные участки. Весьма характерные показатели такого перелома дает хотя бы та же ремесленная промышленность, где коллективные формы труда, постоянная забота и помощь правительства дали весьма эффективные результаты.

Откр. сцена № 29. В настоящее время кооперативные промысловые артели (их на 1-е января 1932 г. насчитывалось 1219, с общим числом в 37 124 членов, см. Мат. па выкан. пяцігад. пляну народ. гаспад, і культ. будаўн., вып. I, стр. 27)—далеко не примитивные ремесленные организации: в большинстве случаев они уже стали на путь развивающихся, растущих, механизирующихся предприятий.

„Каждый новый завод в нашей стране — опорный пункт международного пролетариата".

Молотов.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Однако наиболее мощные и убедительные результаты дает нам все же рост крупной промышленности, непрерывно подтягивающейся к уровню наиболее передовых промышленных районов Советского Союза. Так, если по Союзу третий решающий год первой пятилетки дал прирост промышленности в среднем на 21%, то по БССР этот прирост составил 79%.

Решающие победы трудящихся БССР на протяжении первой пятилетки выразились в пуске более 40 новых предприятий, в их числе Белгрэс им. т. Сталина, Гомельский Сельмаш, Бобруйский деревообделочный комбинат, Могилевская фабрика искусств. шелка, КИМ, Знамя индустриализации, Гомельский механический Стелозавод и мн. др. „Основные фонды промышленнсти БССР аз годы первой пятилетки возросли с 86,5 мил. руб. до 344,4 мил. руб. Рост на 398,3%.

Щиты №№ 30, 31 Открытая сцена № 32

Капиталовложения в обобществленный сектор народного хозяйства БССР по пятилетнему плану намечались в 904,3 м. р. Фактически за годы первой пятилетки капиталовложения составляют 1 027,4 милн. руб. (без железнодорожного хозяйств). Таким образом, пятилетний план капиталовложений в народное хозяйство БССР за четыре года и три месяца выполнен на 113,6% (отчет ЦК КП (б) Б на XV Съезде партии. Доклад т. Гикало, „Звязда", № 20 (4853) от 25 января 1934 г.).

В целях более полной иллюстрации темпов роста промышленности БССР мы считаем необходимым привести нижеследующие данные, характеризующие, с одной стороны, удельный вес отдельных ее отраслей, а с другой — прирост продукции за 1931 г. (см. табл. на след. стр.).

Виды промышленности	Удел. вес		Прирост с 1931 г. в⁰/₀⁰/₀ отнош. к 1930 г.
	1930	1931	
Торф	0,59	1,24	393,2
Керамич. произв	1,77	2,57	971,2
Металлопромышл.	7,68	8,12	197,1
Деревообделоч.	15,29	15,01	183,1
Химическ. гр. А.	2,19	3,47	295,8
Текстильн. гр. Б.	5,82	5,82	170,4
Швейная	26,25	25,53	181,4

Подобные победы могли быть достигнуты только в упорной борьбе за генеральную линию партии, извращения которой имели место в прошлом, о чем рассказывают материалы по планированию народного хозяйства, где находили свое выражение оппортунистические и даже открыто буржуазные методологические установки. Так, например „характерной чертой прошлых лет была растяжка строительства, распыление средств по многим объектам. Результатом этого было то, что из всех капиталовложений на 1927—28 г. + незавершенные работы 1926—27 г. вступало в эксплоатацию в 1927—28 г. 57%; 43% вложений оставалось мертвым грузом. В 1928—29 г. этот процесс еще больше углубился. В эксплоатацию вступало всего 38%. Такое же явление мы имели и в 1929—30 г." (плян народнай гаспадаркі і культурнага будаўніцтва БССР на 1931 г. Госплан, 1931, стр. 2).

После разгрома вредителей и оппортунистов, начиная с 1931 г. в развитии промышленности достигнут существенный перелом. Основное внимание по всем отраслям промышленности, за исключением энергетической (торфяной) и керамической, где темпы строительства были обеспечены, направляется к завершению начатых работ, что значительно увеличивало предпосылки дальнейшего роста промышленности в 1932 г. В итоге, 1931 г. ознаменован пуском ряда новых

Рис. № 12. Промышленность на базе с/хоз.

предприятий, проведением рационализаторских мероприятий на существующих фабриках и заводах, внедрением и закреплением новых форм социалистического труда, резким увеличением его производительности и т. д.

Выросла социалистическая промышленность, вырос и рабочий класс, численный состав которого „вырос из 13 000 в 1913 г. до 114 тыс. в 1932 г.“ (доклад т. Гикало). Значение подобного факта приобретает особую силу, если принять во внимание, что процент рабочих в быв. восточно-белорусских губерниях в отношении остального населения в 1913 г. составлял всего лишь 0,36%, в остальной России 1,43%, а в БССР он поднялся до 1,47% в 1928—29 г. и до 2,92% в 1931 г.

Весьма показателен национальный состав рабочих крупной промышленности БССР. Нижеследующая таблица показывает все возрастающий удельный вес белоруссов в составе рабочих нашей крупной промышленности:

	1929 г. в тысяч.	Абс. тыс.	1932 г. удельный вес в % относит. к итогам
Всего	42,8	93,0	100
В том числе:			
Белоруссы	21,8	57,8	62,2
Евреи	14,4	23,5	25,3
Поляки	2,3	3,1	3,3
Русские	3,4	4,6	4,9
Прочие	0,9	4,0	4,3

Как видно из этой таблицы свыше 60% рабочих на наших крупых предприятиях составляют белоруссы.

„Там, где только четыре года тому назад бродили лоси и дикие козы, теперь болотные недра разрезаются мощными землечерпалками и тракторными колоннами".

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛОТ и ВОДНЫХ ПРОСТРАНСТВ.

Под руководством Коммунистической Партии столь же блестящие победы одержаны и при завоевании новых пространств земли. Мы имеем в виду огромные достижения по освоению болотных массивов, осушка которых по народнохозяйственному плану за 1931 г. должна была дать по совхозам 35 000 га, по колхозам—16,1 тыс. га, по мелиоративным товариществам 13,5 тыс. га.

В том же 1931 г. намечалось охватить комплексными изысканиями и съемками территорию агро-индустриальных комбинатов Рогачево-Жлобинского, Дубровинского, Брагино-Хойницкого, всего на площади 540 тыс. га. На более мелких

Щит № 33. болотных массивах предполагалось охватить изысканиями 66 500 га, из которых на долю совхозов приходится 12 тыс. га колхозов—37,2 тыс. га и на землях индивидуально-кооперативного сектора — 17,3 тыс. га.

С задачами мелиорации в прямой и естественной связи стоит проблема социалистической реконструкции рыбоводческого и рыболовецкого хозяйства БССР. В прошлом эта отрасль народного хозяйства была опустошена не менее других и только в отдельных случаях имела место правильная организация некоторых водоемов их владельцами—помещиками.

Из рыб наибольшее промысловое значение имеют: лещ, судак, щука, окунь, плотва, уклея, линь, карась, сом, язь, селява, ряпуша, густера и краснопёрка.

Лов рыбы, сосредоточивавшийся в руках капиталистических арендаторов, носил исключительно хищнический характер, опустошавший водные бассейны на многие годы. Для БССР такой вид хозяйничанья оказался нетерпимым, наруша-

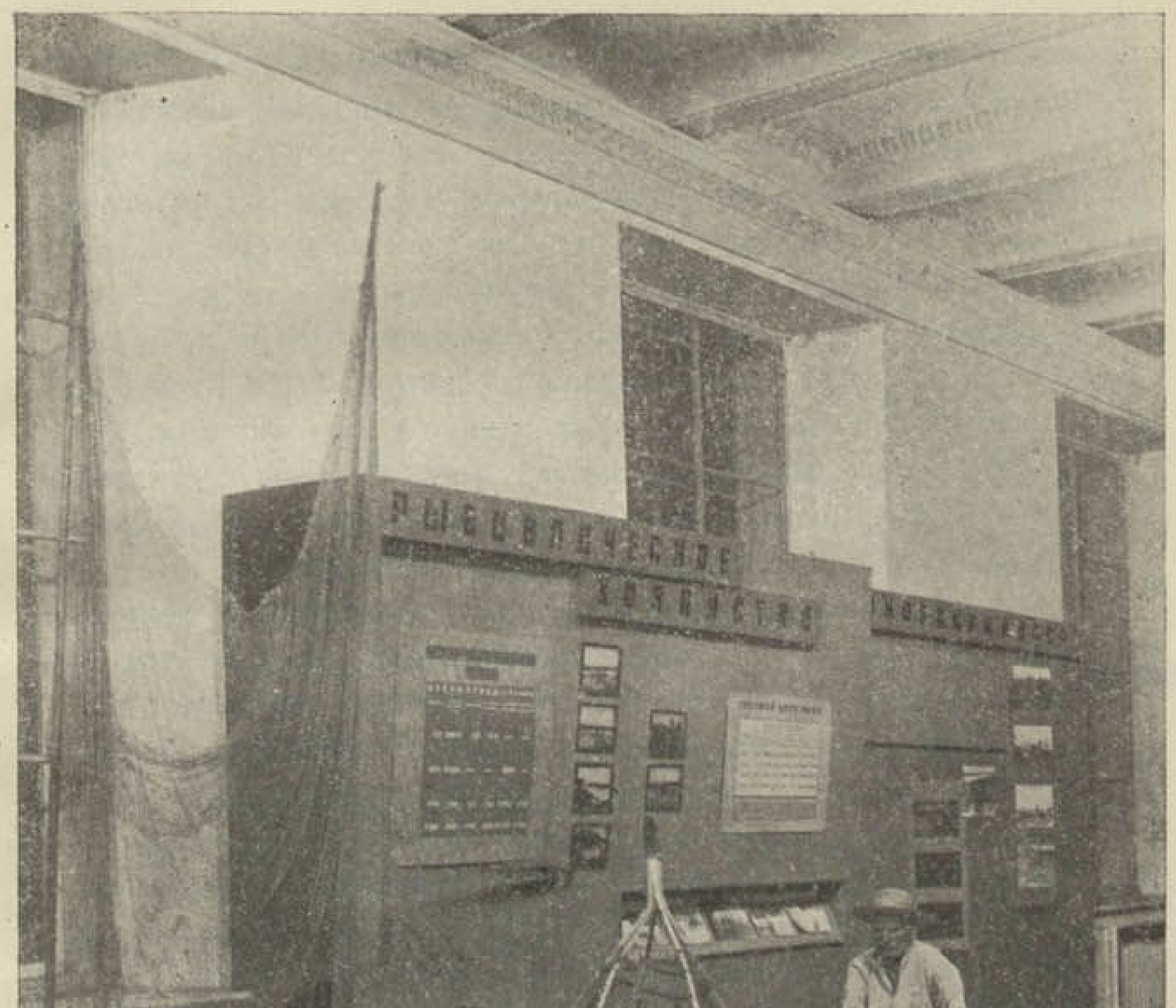

Рис. № 13. Рыболовное и рыбоводческое хозяйство в БССР.

ющим интересы социалистического государства в общем плане увеличения наличных естественных ресурсов. В связи с этим, водоемы БССР в руках подлинного заботливого хозяина— пролетариата получили совершенно новую организацию. Последняя выразилась в том, что из общей водной площади были выделены планово-перестраиваемые рыболовные угодья республиканского значения в числе 135 озер с площадью 30 940 га и 120 прудов с площадью 1419 га.

Состояние этих угодий с каждым годом значительно изменяется в лучшую сторону, благодаря большим работам по их культурному содержанию, предусматривающему, как очистку и углубление водоемов, так и обновление пород рыбы, среди которых видное место уже принадлежит карпу и сигу.

На ряду с промысловыми республиканскими угодьями, много внимания уделено и тем, за которыми признано чисто местное значение. К таким угодьям отнесены 1804 озера с площадью 50 839 га и реки протяженностью в 4690 км. **Щит №№ 34, 35, 36.**

Забота о правильной эксплоатации водоемов местного значения целиком возложена на рыболовецкие колхозы, местные кооперативные организации, советские и партийные органы.

Общий улов рыбы ежегодно увеличивается и уже в ближайшем будущем должен дать 6000 тонн, на сумму 2400 т. р. вместо 346 000 руб. (за 2310 тонн) в 1927 году.

Эксплоатация болот и водных пространств не ограничивается перечисленными видами их использования. Так, нельзя забывать, что болота, именно торфяные, которых по БССР насчитывается около 198 тыс. га, составляют основную энергетическую базу страны. В этом отношении наглядным примером может служить крупнейшая в БССР электростанция им. тов. Сталина (Первая Белгрэс), мощностью в 25 т. квт., которая питается исключительно торфом с осиновских болот (близ г. Орши).

Торфяная промышленность занимает в БСРР одно из выдающихся мест и характеризуется значительным многообразием отдельных, уже довольно мощных отраслей.

Насколько выросла и окрепла торфяная промышленность БССР можно судить по состоянию одного только торфокомбината на мезиновских болотах, где работает ряд заводов с нижеследующей годовой продукцией:

1) Завод торфяных изоляционных плит . . . . . 22 мил. кв. метр.
2) " торфобрикетный . . . . 200 000 тонн
3) " коксовальный . . . . 100 000 "
4) " по переработке торфяной смолы . . . .
5) " вегетационных посудин . . . . 50 мил. шт.
6) " торфоподстилки и порошка . . . . . . 20 000 тонн
7) " теплоэлектростанция . . . .

Общая добыча торфа в БССР составляла в 1930 г. 248,7 тыс. тонн, а 1931 г. уже 974,8 тыс. тонн (прирост к 1930 г. 932,02%).

„Советский Союз из страны мелкого и мельчайшего земледелия превратился в страну самого крупного в мире земледелия на основе коллективизации, развертывания совхозов и широкого применения машинной техники". (Из реш. XVII парт. конф.).

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

Не менее яркие показатели наших успехов мы имеем и в области сельского хозяйства. Первое и главное, что необходимо отметить здесь,—это окончательный поворот основной крестьянской массы на указанный партией путь и безоговорочная поддержка ею мероприятий советского правительства. Лучшим показателем доверия к политике партии со стороны бедняцко-середняцкой части деревни могут служить перекрывшие планы темпы коллективизации на протяжении переломного 1931 года. Конкретные показатели этих темпов сводятся к следующему: на первое ноября 1928 г. процент коллективизации достигал всего лишь 0,72%, 1929 г.—1,4, 1930 г.—

11,1, 1931 г.—уже 40,1% и на 20 декабря—50,3%. Кроме того, в ряде районов, именно: в Лепельском, Бегомльском, Сенненском, Костюковичском, Чериковском, Толочинском, Койдановичском и Червенском коллективизация в основном уже завершена. Щиты №№ 37, 38.

В остальной части БССР развертывание социалистического сектора дает все основания рассчитывать на охват им всего сельского хозяйства уже в несколько ближайших лет. Подобные расчеты совершенно реальны и вытекают из общего экономического положения страны, созданного победами на всех основных участках социалистического строительства и, в первую очередь, промышленности. Все это, прежде всего, обеспечивает осуществление машинизации сельского хозяйства в самом недалеком будущем, а вместе с ней закрепит наши успехи и подымет деревню на небывалую в истории человечества высоту.

Вопросы машинизации сельского хозяйства—это один из узловых моментов политики нашей партии, осуществление которой на практике уже дало весьма ощутимые результаты, о которых свидетельствует рост капиталовложений в сельское хозяйство. Так, если в 1929 г. капиталовложения по машинизации составляли 5400 т. руб., в 1930 г.—7726 т. руб., то в 1931 г.—17 072. тыс. руб., а на 1932 год было уже намечено 27 500 тыс. руб. В переводе на машины эти миллионы обеспечили в 1931 г. шесть МТС или 196 тракторов, на 1 I 1932 г.—33 МТС или 1006 тракт., на 1 IV 1932 г.—59 МТС или 1453 тракт.

Всего же по БССР, (включая колхозы, не обслуживаемые МТС) уже в 1931 г. насчитывалось тракторов 1911 шт.

Сюда же следует отнести многие тысячи конных и тракторных сеялок, жнеек, сноповязалок, конных и тракторных грабель, силосорезок и т. д.

На ряду с нарастанием мощной индустриально-технической базы, быстро развивается и специализация с/хоз., ликвидирующая универсальность колхозных хозяйств, которые, по-

добно единоличному сектору, сохраняли еще местами большую пестроту культур с упором на зерновые.

В ближайшие годы сельское хозяйство БССР должно будет определить свое лицо по линии развития технических культур (льна и конопли), уже сейчас концентрирующихся, главным образом, в северной части Республики, где этому больше всего благоприятствует почва, а также молочного скотоводства и свиноводства. Соответственно этой установке уже сейчас мы имеем большие изменения характера колхозных посевов, особенно в части роста технических культур.

Откр. сцена № 39. Так, если в 1931 г. удельный вес занятой льном площади составлял 10,2%, то на 1932 г. запроектировано уже 12,5%. В валовом сборе удельный вес по льноволокну в 1930 г. составлял всего 6,6%, в 1932 году он уже дал 12,5%. Все это говорит о крупных сдвигах в самой структуре колхозов и совхозов, продукция которых возрастает из года в год и уже теперь оставила далеко позади единоличный сектор. Возьмем хотя бы тот факт, что в 1931 г. колхозы засеяли 47,3% ярового клина, 51,3% по льну, 64,1% по огородам, 66% по корнеплодам, 58,2% по многолетним и по однолетним травам 62%. Ко всему этому надо прибавить посевную площадь 358 совхозов, которая в 1931 г. составляла 115 472 га, а в 1932 г. расширяется до 250 000 г.

Отмечая техническую и организационную перестройку совхозов и колхозов, нельзя не отметить происшедших существенных сдвигов в характере урожаев. До недавнего времени БССР была исключительно потребляющим районом. Урожаи обобществленного и частновладельческого секторов мало отличались один от другого и оценивались довольно низко. Такое положение сохранялось вплоть до 1931 г., когда большевистская борьба за качество урожая дала резкий скачок вверх.

Так, если средний урожай 1924—27 г.г. принять за 100, то в 1931 г. мы уже имеем по совхозам 143,7, по колхозам—120,6, а по БССР в целом, включая единоличный сектор—108,4.

Рис № 14. Районный агро-кабинет.

Столь же блестящие результаты достигнуты и по животноводству, господствующая роль которого представляет собою громадный шаг вперед в области решения ряда связанных с ним проблем социалистической экономики.

По крупному животноводству ведущая роль социалистического сектора определяется следующим образом: удельный вес крупного рогатого скота по совхозам в 1930 г. составлял 2,29, а в 1932 г. он уже равняется 5,9%. Соответственно этому меняется картина и в колхозах, где в 1930 г. мы имели всего лишь 9,3%, а в 1932—61,2%. Что же касается свиноводства, то уже теперь его удельный вес составляет 12% всего свиного поголовья в Советском Союзе. **Щиты №№ 40, 41.**

По индустриализации и электрификации сельского хозяйства социалистическое строительство производилось на протяжении 1931 г. в следующем объеме: по молочной промышленности расширялось три масло-сырозавода по линии совхозов; строилось 19 новых масло-сырозаводов по колхозной системе; приспосабливались 66 пунктов под масло-сырозаводы; ремонтировалось 100 масло-сырозаводов; оборудовалось 900 сливкоотделительных пунктов; оборудовалось 1500 сливных пунктов по кооперативной системе; закончилось строительство маргаринового завода в Гомеле по линии Бельсельпромобъединения и т. д.

По льняной и пеньковой промышленности намечено строительство 42 льнозаводов и 3 конопляных по первоначальной обработке, из которых 12 заводов двухтурбинных и 33 однотурбинных.

По плодоогородной промышленности строились плодоягодный комбинат и два плодовинных завода по линии сельскохозяйственной кооперации; по линии совхозов закончено строительство винного завода; закончено строительство мармеладной фабрики в Бобруйске по линии Бельсельпромобъединения. **Щит № 42.**

По картофельной промышленности восстановлены четыре винокуренных завода по линии совхозов, строилось три и до-

страивались начатые строительством в 1930 г. 5 крахмальных заводов.

По пчеловодству построен воскобойный завод в Могилеве. Электрификация сельского хозяйства на 1931 год характеризуется: 1) Строительством подстанции в Витебском, Оршанском и в Дубровинском агроиндустриальных комбинатах для использования электроэнергии первой районной электростанции им. т. Сталина (Белгрэс); 2) строительством самостоятельной тепло-электроцентрали для обслуживания Рогачевского агроиндустриального комбината и 3) строительством электростанции в Горках.

„Сильная и мощная диктатура пролетариата—вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации".
И. Сталин.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВОКРУГ КОЛХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

„Успехи социалистического строительства в БССР и переход нашей партии к политике сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса, выкорчевывания последних корней капитализма вызвали бешеное сопротивление буржуазно-националистических элементов и их агентуры внутри партии.

Разгромленный, но не добитый классовый враг (кулаки и его идеологи—эсеры, нацдемы), все антисоветские элементы и их агентура внутри партии повели бешеную борьбу против БССР. Они в борьбе против партии и советской власти изменили свою тактику и, активно пролезая на предприятия, в учреждения, совхозы, МТС, колхозы и даже в партийные организации, путем обмана, двурушничества, маскировки шпионажа, открыто проводили контр-революционную вредительскую работу и пробовали разлагать их изнутри, о чем

наиболее ярко (из целого ряда аналогичных выступлений нацдемов) заявлял Цвикевич: „Когда нельзя провести свою программу ударом в лоб, то нужно проводить ее стороной. Важно, чтобы правильный был принцип. Когда принцип правилен, то остальное становится вопросом времени, дисциплины, тактики и темпов борбы“ (из решений объединенного пленума ЦК и ЦКК КП (б) Б об итогах и ближайших задачах проведения ленинской национальной политики в БССР, „Звязда“, № 8 (4841), 1934).

Расцвет белорусского национал-демократизма в прошлом совпадает с движением еще не вполне диференцировавшегося крестьянства, направленным против крупного помещичьего землевладения.

В 1912 г. ими создается вместо расплывчатой „Беларускай рэвалюцыйнай Грамады“, организация с более четкой классовой физиономией—„Беларусская Сацыялістычная Грамада“, некоторое время прогрессивно развивавшаяся по руслу мелко-буржуазных, лево-народнических стремлений. Поражение пролетариата в революции 1905 г. бросает БСГ на путь неприкрытой реакции. Ее руководство бережно охраняет организацию от напора пролетарского движения и целиком опирается на кулачество, укреплявшее свои ряды через столыпинскую реформу, в итоге которой вырос злостный тип кулака, впоследствии при советской власти, всемерно боровшегося с колхозным движением и на первом и на втором этапе.

Показателем целеустремленности БСГ этого периода является основанная в конце 1906 г. газета „Наша Ніва“, красноречиво свидетельствующая, что опыт революции 1905 г. для руководителей БСГ не пропал даром. Уже первые страницы этой газеты наполнены предательским замазыванием классовых противоречий, отождествлением понятий „класс“ и „народ“. „Не думайте,—пишет в одном месте „Наша Ніва“, что мы хотим служить только либо панам, либо мужикам. Нет, никогда нет. Мы будем служить всему белорусскому обиженному народу“ (№ 1, 1906).

Еще более показателен наказ „Нашай Нівы“ по аграрному вопросу, данный депутатам думы, в котором предлагалось: „уничтожить все те законы, которые запрещали и запрещают покупать и продавать землю, уничтожить шахматницу—шнуры—и разбить землю на такие хозяйства, чтобы у каждого хозяина земля была в одном куске“.

Иногда „Наша Ніва“ писала открыто, не маскируясь туманными фразами, вызывая недовольство даже у кулацкой части деревни. В этом отношении весьма показательно выступление „Нашай Нівы“ на защиту закона о ликвидации сервитутов [1], когда она старалась убедить крестьян в том, что „сервитуты портят по лесу всякий молодняк, а в дворовом хозяйстве задерживают всякие улучшения, ибо известно, что мужик, пасучи на панском, ничего не жалеет“ (1910 г. № 42). Следствия ликвидации сервитутов не тревожили „Нашу Ніву“, хотя она отчетливо представляла себе, что этот закон больно бил по крестьянскому скотоводческому хозяйству и укреплял чресполосицу, обеспечивавшую осенние общинные пастбища.

1917 год. У национал-демократов большие надежды. Созываются Съезды, кричат о поддержке Временного Правительства, затем бьют тревогу по поводу угрозы большевизма. Но все это оказалось напрасным. Вековой гнет и классовый инстинкт повели массу города и деревни за пролетариатом и его партией. Созванный „всебелорусский“ конгресс не спас положения и даже не мог оказать малейшего сопротивления, когда возникшая пролетарская власть объявила его распущенным.

Начались последние позорные страницы в истории национал-демократизма, поступившего под защиту западно-европейской реакции. Телеграмма Вильгельму II „избавителю от большевиков“, а затем коленопреклонение перед Пилсудским,

---

1 Сервитутное право—крестьянское право выпаса скота в помещичьих лесах.

которого они поспешно объявили своим великим национальным героем, родившимся в сердце Белоруссии—Вильно,—вот наиболее яркие показатели предательской и рабской психологии белорусских национал-демократов. „Белорусские национал-демократы на всех стадиях своей контр-революционной борьбы против Советской Белоруссии ставили и ставят ставку на интервенцию. В годы гражданской войны они принимали самое активное участие и оказывали всяческую поддержку вильгельмовским немецким, а потом белопольским окупантам, по прямому указанию немецких и польских империалистов они, совместно с палачами рабочих и крестьян Белоруссии—Булак-Балаховичем и Савинковым—организовывали и поддерживали контр-революционные кулацкие восстания и антисоветские выступления против большевиков, против власти Советов.

Созданная ими еще в 1921 г. контр-революционная организация под названием: „Союз возрождения Белоруссии", реорганизованная в дальнейшем в „Союз освобождения Белоруссии" (СВБ), основную ставку ставила на интервенцию, рассматривая свою работу в БССР, как расчищающую путь интервенции и ее подготовляющую. Она сконцентрировала свою интервенционистскую работу, главным образом, в следующих направлениях: 1) Подготовка классовых сил, на которые внутри БССР могла бы опереться интервенция: усиление и укрепление кулачества, организация остатков городской буржуазии и реакционной части белорусской интеллигенции. Вся политика Прищепова с его ставкой на кулацкую хуторизацию, которая является нацдемовско-кисляковским первоизданием основных установок Кондратьева, как теории „исторических особенностей" Белоруссии. Все это было ставкой на возрождение кулака, как внутренней силы интервенции и классовой основы национал-демократизма; 2) идеологическая подготовка отрыва БССР от Советского Союза и присоединение к белопанской Польше. Теория „самобытности", ставившая во главу угла буржуазный национализм, возводящая в принцип узко-национальную ограниченность, затушевы-

Щиты №№ 43, 44.

вание братской помощи Белоруссии со стороны рабочих и трудящихся Советского Союза, выкорчевывание из белорусского языка всего того, что ее сближает с культурой народов СССР, в частности с русской культурой и насыщение языка польскими и чешскими, непонятными широким массам, словами, вытравливание слов, рожденных пролетарской революцией, „теория“ борьбы белорусской и русской культуры и связи белорусской культуры с капиталистическим западом — все эти и подобные им „теории“ служили делу идеологической подготовки интервенции; 3) Подготовка и продвижение своих (нацдемовских) кадров на разные участки социалистического строительства“, стремление „выживать, задерживать рост и дискредитировать действительно большевистских людей, используя ослабление большевистской бдительности в КП(б) Б и отсутствие действительной большевистской борьбы за кадры“ (из решений объединенного пленума ЦК и ЦКК КП (б) Б.

Борьба с национал-демократами закончилась их полным разоблачением. Идеологический багаж пришибленной кучки вредителей и контр-революционеров вскрыт с максимальной полнотой. Сейчас для каждого трудящегося страны совершенно ясно, что белорусский национал-демократизм, западно-белорусский и мировой фашизм, Торгпром, Промпартия и Союзное бюро меньшевиков — единый антисоветский фронт, объединенный ненавистью к СССР.

Наибольшая активность внутренней контр-революции в БССР приходится на 1929—30 гг., т. е. на время исключительно бурного роста колхозов.

Как организовывал свое сопротивление классовый враг и какие формы оно носило?

В ответ на эти вопросы мы приводим некоторые наиболее характерные факты из истории классовой борьбы вокруг организации Дюжевского колхоза „Ильич“, Чаусского района (Могилевщина).

Чаусский район отдален от крупных городских центров. Диференциациация населения этого района перед Октябрем

Рис. № 15. а) Кулак зарывает зерно; б) Вредительство в колхозе „Искра“.

приняла законченные четкие формы, хотя черты простого товарного хозяйства обильно представлены еще в хозяйственной деятельности населения.

Малоземелие основной крестьянской массы достигло громадных размеров, что при плохой почве вызвало развитие ряда местных промыслов и массовые отходы на сезонные работы, преимущественно по сплаву леса (по Днепровской системе) и в шахты Донбасса. Большинство деревень этого района не было захвачено столыпинской реформой и насчитывает от 80 до 160 малоземельных середняцких и бедняцких дворов, часто безлошадных, с чрезвычайно отсталой техникой и системами полеводства.

Иное впечатление производит южная часть Чаусского района, где нашла широкое применение наиболее удовлетворяющая требованиям капитализации деревни, столыпинская хуторская система хозяйства, отслоившая здесь зажиточную и кулацкую часть крестьянства.

Естественно, что в этой полосе кулацкая антиколхозная агитация имела благоприятную почву. В условиях такой обстановки становится понятной тактика местной партийной организации и актива бедноты, определившая коллективизацию именно этой части района, представлявшего собою цитадель классового врага, позиции которого подлежали разрушению в первую очередь.

В отчете Дюжевского с/с. своим избирателям за 1929 г. указано, что вопрос о коллективизации поставлен был впервые со времени осенней посевной кампании 1928 г. но осуществление намеченного плана носило „звычайны" (обыкновенный) характер. Трудно сказать, какое содержание вложено в термин „звычайны", но все же надо думать, что под ним скрыта некоторая неорганизованность и неуменье справиться с выдвинутой жизнью очередной задачей.

Об этом говорит хотя бы отсутствие налаженности в разъяснительной работе, которая велась в одиночку при встречах местного актива с крестьянами. Несмотря на наличие факта

малоподвижности, все же ядро будущего колхоза сложилось ввиде объединения в сельскохозяйственную артель наличного состава членов партячейки, к которым примкнуло сначала 12 хозяйств (не приступило к работе только 5).

Надо полагать, что при организации артели ее руководители не ставили себе целью создание социально-здорового коллектива, иначе трудно объяснить зачисление в артель быв. торговца-арендатора помещичьего сада Подберезского Степана, который вошел в ее состав с определенными враждебными намерениями.

Протокол общего собрания членов Дюжевской артели „Ильич" от 16 мая 1929 г. за № 3 сообщает об исключении Подберезского со всей его семьей за действия, направленные „к разорению коллективного хозяйства". Характер этих действий совершенно определенно выясняется из того же протокола и составляет классический образец сопротивления кулаков социалистическому переустройству деревни.

Как и следовало ожидать, Подберезский пользуется всяким случаем, чтобы вызвать недоверие к руководителям артели, выступает с „критикой" приобретенных сельскохозяйственных машин, доказывает невыгодность и „вред" опрыскивания деревьев сада. Подберезский достиг цели. В мае 1929 г., когда руководитель и организатор артели тов. Макаренко уехал за минеральными удобрениями, колхозники оставили работу и разошлись по своим единоличным хозяйствам. Осталась только небольшая группа преданных делу работников, среди которых следует отметить в то время неграмотную т. Мариненко (б. член ВЦИК), порвавшую связь с ушедшим из артели мужем. Стойкость этой группы произвела сильное впечатление. На третий день ушедшие вернулись и приступили к работе, а их упаднические настроения вскоре сменились уверенностью в успехе дела. Этой уверенности в значительной мере содействовала поддержка Усушского кредитного товарищества, которое предоставило артели семена, удобрения, с/хоз. машины и денежную ссуду на развитие животноводства.

Рост жизненных сил артели создавал видимую угрозу кулачеству, намечая его неизбежную гибель. Артель вступала во второй этап, начав его борьбой за овладение колебавшейся массой бедноты и середнячества, нерешительность которой подогревалась организовавшимся кулацким штабом, развернувшим активные действия, пока в виде контр-агитации. Полз невидимый грязный слух о намерении большевиков создать экономию типа помещичьего крепостного хозяйства; кто-то предсказывал неурожай на полях артели, хотя все данные говорили о другом; шла „людская" молва, что неведомая сила будет ставить на лоб колхозников, вместо христовой, коммунистическую печать.

Враждебность к артели нарастала. Начались активные преследования членов артели: при встречах по их адресу посылались угрозы, им не давали брать из колодцев воду и, наконец, подожгли колхозный дом, но пустили слух, что пожар устроили колхозники, а именно, ненавидимый кулачеством руководитель артели тов. Макаренко.

В декабре 1929 г. Чаусский район перешел на сплошную коллективизацию, которую в январе 1930 г. объявили законченной почти по всему Дюжевскому с/сов.

Естественно при таких „темпах" разъяснительная кампания почти не имела места. Руководители местной организации выбросили лозунг: „100%—во что бы то ни стало", оставили в стороне директивы ЦК ВКП (б) и ушли с головой в свои собственные планы. Опомнились только после письма т. Сталина, но ряд крупных ошибок был уже сделан. Партячейка, подвергнув самокритике всю работу по коллективизации, установила следующие перегибы, допущенные по ее вине: 1) неправильно выделили новые границы колхоза, нарушив постановления правительства об оставлении за „нехотимцами" (не желающими войти в колхоз) огородов в тех случаях, когда их земля при размежевании попадала в колхозные владения; 2) применялось запугивание в виде заявлений на собраниях, что государство не берет на себя забот о „нехо-

тимцах“ и неизвестно, где им будут отведены новые земли; 3) создавая новый семенной фонд, провели через общее собрание постановление об обязательной сдаче очищенных семян и нехотимцами, обещая вернуть их только весной; 4) приняв постановление об обобществлении скота, приступили к его осуществлению, но не приготовили ни корма, ни помещений.

В то время, как развивалось „головокружение от успехов“, классовый враг вырабатывал и осуществлял программу своих действий, пользуясь каждым неверным шагом, каждым неосторожно сказанным словом. Его силы сплотились в значительное ядро, возглавлявшееся попом Шубодеровым и кулаком Копелем. Ждать было некогда, решили спровоцировать восстание, использовав для этой цели женщин (в те дни сплошь неграмотных), „обработку“ которых поручили монашкам (их по сельсовету было около 30 человек) из местных крестьян, вернувшимся из монастырей после их ликвидации. Ими то и были распространены слухи о желании колхозников „ограбить“ церковь в с. Теплое. Создалась тревожная обстановка. У церкви установили ночную охрану, которая била в набат, как только показывалась какая-либо проезжая подвода.

Но верующих оказалось уже слишком мало, особенно среди мужчин, и затею пришлось бросить. В ход были пущены другие приемы: тащили колхозный инвентарь и топили его в р. Проне; пытались избавиться от колхозного актива при помощи обреза. Так, в д. Конновка трижды покушались на убийство колхозника т. Чижа.

Дальнейшее „мирное“ сожительство с кулачеством становилось немыслимым. Его ликвидация, оздоровление обстановки в целях успешного развертывания строительства колхозов— вот та очередная задача, к решению которой приступила специальная комиссия уже под руководством командированного в колхоз сормовского рабочего Михаила Ивановича Юрлова. В короткий срок было раскулачено 11 хозяйств. Социальный облик раскулаченных и их последняя попытка отстоять себя представляют значительный интерес в деле

изучения облика социальной группы, составлявшей основную силу просчитавшейся контр-революции.

Копель, Ефим Кузьмич (с. Теплое)—глава кулацкого штаба, вождь распространенной здесь секты штундистов. Помимо дохода от хозяйства, обрабатывающегося трудом сезонных рабочих (поденщиков) извлекал прибыли путем эксплоатации крестьян за „медицинские" услуги. От всех болезней спасал хинином, установив оплату „услуг" отработкой—за каждый порошок один рабочий день

Бадеев, Денис Демьянович (д. Дюжевщина)—один из самых злостных деятелей кулацкого штаба, руководитель большой группы подкулачников, при содействии которых он создал себе положение диктатора в деревне. Достаточно было знать, например, что Бадеев „недоволен" созывавшимся Советом общим собранием, и уже никто не осмеливался явиться на него. Узнав о прибытии комиссии по раскулачиванию Бадеев скрылся, поручив своим друзьям организовать противодействие. Вооруженная кольями толпа подкулачников встала на защиту имущества Бадеева, окружив его дом сплошной стеной. Женщинами „руководила" неизвестно откуда взявшаяся жена расстрелянного бандита Зезюлина. В тот день раскулачить Бадеева не удалось.

Прошли немногие годы. Колхозы превратились в мощные обеспеченные хозяйства, в центры новой культуры, нового быта. Требование партии и ее величайшего вождя тов. Сталина зажиточной жизни для колхозников стало реальным фактом. Теперь уже открытые выступления классового врага немыслимы и он это прекрасно понимает. Отсюда новые формы его сопротивления, новые приемы борьбы „тихой сапой", крадучись, воровски. Как действует он сейчас можно судить хотя бы по нижеследующему факту, который недавно имел место в колхозе „Искра", Витеб. С/С.

В раннее летнее утро,—рассказывал нам председ. колхоза т. Скобцов, Д. С.—он вышел проверить санитарное состояние приготовленной для молока посуды, которая хранилась

Открыт. сцены №№ 45, 46.

в отдельной, но не закрывавшейся постройке вблизи скотного двора. Доярки еще не собирались, но тем не менее т. Скобцов услышал неосторожную возню у жестяных бидонов. Внезапно появившись в дверях, он увидел, как одна из доярок подмазывала плечики бидонов изнутри кислотой с целью ускорить скисание молока, предназначенного для рабочих г. Витебска.

Аналогичных случаев вредительства в колхозах не мало. Вот почему в числе наших важнейших очередных задач первостепенное место принадлежит борьбе за большевистское укрепление колхозов, к которому партия призывает всех преданных делу строительства социализма.

„Существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке". *И. Сталин.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО БССР.

Факт культурной отсталости Белоруссии в прошлом достиг грандиозных размеров даже по сравнению с русской деревней. Тяжелое экономическое положение трудящихся, безграничная эксплоатация их со стороры господствующих классов, отсутствие возможности обучаться на родном языке, доступ только в проповедывавшую „истинно-русское начало" церковноприходскую школу, как и множество других обстоятельств, не позволяли белорусскому крестьянину подняться в культурном отношении.

Картина изменилась только после Октябрьской революции, когда к власти пришел пролетариат, партия которого обеспечила культурный рост деревни.

То, чем располагает БССР в области материального быта ее населения и его культурных достижений уже в настоящее время, говорит нам о колоссальных победах, результаты ко-

Рис. № 16. Столовая в Полесской деревне.

торых не идут ни в какое сравнение с прошлым состоянием Белоруссии, где еще только 10 лет тому назад насчитывалось более 60% неграмотных в возрасте до 45 лет и около 80% населения. Ныне БССР по степени грамотности заняла второе место в Союзе Советских Республик, что является бесспорным доказательство того насколько правильно решила партия национальный вопрос, насколько верно руководит она коренной переделкой уклада всей жизни бывшей колонии царской России.

Размах культурного строительства достиг небывалых в истории размеров. В короткий срок, всего лишь на протяжении двенадцати лет, в быв. стране неграмотных выросли десятки научно-исследовательских учреждений, 28 Вуз'ов, 310 техникумов, создано 7131 школа (в том числе 6384 белорусских, 230 еврейских, 270 польских, 117 русских и 133 прочих), где обучается 937 тысяч детей.

„Количество ВУЗ и ВТУЗ в одной только БССР в два раза больше в сравнении с тем, сколько их было во всей царской России". (докл. т. Гикало на XV Съезде КП(б) Б.). Щит № 47.

Наконец, нельзя не отметить столь огромного факта в культурной жизни страны, как учреждение Академии Наук, в составе которой работает 12 научно-исследовательских институтов, 4 национальных сектора (еврейский, польский, латышский литовский).

Однако, этот простой перечень в сущности не создает еще полной картины культурного роста страны, где, как и во всем Советском Союзе, школа явилась органической потребностью миллионных масс, одним из мощных средств борьбе за быстрейшее построение социалистического общества. О том, как пользуются этим средством трудящиеся республики, обстоятельно рассказывают нам цифры, характеризующие охват школой населения БССР. Из этих цифр мы узнаем, что, например, еще в 1930 г. было охвачено: дошкольными учреждениями 174 000 детей, дневными и вечерними рабфаками—13 900 ч., индустриальными и с/хоз. техникумами—19 380 ч.,

высшими учебными заведениями—13 300 ч. и по системе вечернего рабочего образования—117 760 ч. В этом же году была запроектирована полная ликвидация неграмотности среди населения в возрасте от 12 до 45 лет уже к концу 1931 г. на протяжении которого подлежало обучению в школах ликбез—477 848 ч.

Что же касается обучения детей школьного возраста, то в этом отношении БССР заняла первое месте в Союзе еще в 1929—30 учеб. году, когда ею раньше других республик, осуществлена система всеобщего обязательного начального обучения на родном языке проживающих в БССР национальностей.

Щиты №№ 48, 49 50.

Столь же грандиозные достижения прослеживаются и других областях жизни, отражающих гигантские сдвиги по линии переустройства быта, охраны здоровья и т. д.

В этом отношении достаточно указать на факт проникновения образцовых столовых в „деревенскую глушь“ (Полесье), которые на ряду с детскими очагами и яслями характеризуют успехи борьбы по раскрепощению женщины-колхозницы от тяжелого бремени—домашнего очага, возвращая ее к общественной и политической жизни страны.

Шкаф № 52. Откр. сцена № 53.

Но особенно эффективные результаты дает рост медико-санитарной сети БССР, где, например, на 1 января 1932 г. числилось больничных кроватей—8761, фельдшерско-акушерских пунктов в деревнях—174, зуболечебных кабинетов при сельских докторских участках—249, консультаций охматмлада—109 и т. д. Ко всему этому надо присоединить все возрастающую сеть домов отдыха, санаторий, оборудованных по последнему слову науки и техники и лаборатории (напр., Минские одонтологический и туберкулезный Институты, Институт физических методов лечения и т. п.).

Всюду идет решительная борьба за физически здоровое бесклассовое общество, в построении которого важнейшие трудности остались позади. Всюду появляется новый человек и его рождению содействует героические битвы наших

дней на больших и малых участках социалистического фронта Председатель комиссии Н. К. РКИ БССР по проверке деятельности Академии Наук т. Николаев сообщил нам об одном весьма интересном случае, который имел место в глухой белорусской деревне под воздействием .. инкубатора. А случай вышел такой: школьники завели инкубатор, загрузили его и уверенно ждали появления куриной смены. Их родители отнеслись неодобрительно к „кощунственной" затее; никто не верил в возможность появления цыплят без божьего вмешательства, но все же любопытство не оставляло даже глубоких стариков. Настал решительный момент; дети торжествовали при виде многочисленной семьи, всколыхнувшей общественное мнение деревни; теперь сомнения высказывались по адресу „всемогущего", и кончилось новым неожиданным и неслыханным событием: одна из старух, вернувшись домой, ликвидировала богов, отправив их по очереди в печку.

Откр. сцена № 54.

Так рушатся создававшиеся веками преграды. На каждом шагу жизнь бьет фактами, включая в ряды борцов все новый и новый актив.
